

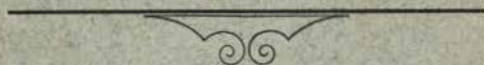
А. ГРОМБАХЪ.

370.1

Г87

ТО, О ЧЕМЪ НЕ ГОВОРЯТЪ.

(О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОМЪ
ПОЛОВОМЪ ВОСПИТАНІИ).



МОСКВА.
1909.

А. ГРОМБАХЪ.

ТО, О ЧЕМЪ НЕ ГОВОРЯТЪ.

(О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОМЪ
ПОЛОВОМЪ ВОСПИТАНІИ.)

ВАННУА ДОН
ВАННУА ДОН
ВАННУА ДОН
ВАННУА ДОН

2308246

МОСКВА.
1909.

ГОС. НАУЧНАЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. К. Д. Ушинского

12

894902

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	V
О чемъ говорятъ. (Обзоръ литературы).	1
Дѣтство.	28
Отрочество.	47
Юность.	63
Заключеніе.	69

1870

1870

1870

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва ли о какомъ нибудь вопросѣ теперь больше говорятъ, чѣмъ о такъ называемомъ половомъ воспитаніи. Для разговоровъ объ этомъ вопросѣ уже выработался извѣстный шаблонъ, и въ предѣлахъ этого шаблона ведутся всѣ разсужденія, какія приходится встрѣчать и въ устныхъ бесѣдахъ, и въ печатныхъ произведеніяхъ. Сущность этихъ разсужденій до крайности проста и элементарна: отъ дѣтей до сихъ поръ старались скрывать явленія половой жизни, и это не приводило къ добру; значитъ, надо измѣнить тактику, надо говорить откровенно о томъ, о чемъ раньше умалчивали,—и тогда все будетъ хорошо. Всѣ разговоры, такимъ образомъ, вращаются только вокругъ одного пункта, и при томъ не наиболѣе важнаго. Если считаться съ дѣйствительной психологіей развивающейся человѣческой личности, а не упрощать ее для того, чтобы облегчить задачу воспитателя, тогда на первый планъ выдвинутся совсѣмъ другіе вопросы, и вопросъ: говорить или не говорить? займетъ въ ряду ихъ гораздо менѣе видное мѣсто.

Извѣстно, что ребенокъ мыслить образами, извѣстно, что ребенку почти совершенно чужды общія, отвлеченныя понятія, наконецъ, извѣстно, что маленькій ребенокъ очень далекъ отъ пониманія точнаго смысла многихъ словъ, которыя онъ слышитъ и которыя даже самъ употребляетъ. Можно ли въ такомъ случаѣ возлагать большія надежды на дѣй-

ствіе словъ, можно ли разсчитывать посредствомъ бесѣдъ заложить прочное основаніе чему бы то ни было въ дѣтской душѣ?

Всякій ребенокъ—реалистъ, онъ живетъ въ мірѣ вещей, а не въ мірѣ идей, и совокупность окружающихъ его вещей, иначе говоря—условія его жизни оказываютъ главное вліяніе на его складывающіеся умъ и волю. При какихъ условіяхъ будетъ нормально протекать его развитіе, и при какихъ такое нормальное развитіе невозможно? Вотъ основные вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ нѣтъ смысла говорить о какихъ либо частныхъ вопросахъ воспитанія.

Если остановиться, въ частности, на злободневной теперь темѣ о такъ называемомъ половомъ воспитаніи, и если имѣть въ виду, что здѣсь должны вліять не только бесѣды съ ребенкомъ, но всѣ вообще условія его жизни, то вопросъ: что говорить и главное: сколько говорить? все же совсѣмъ не разрѣшается упомянутымъ простымъ разсужденіемъ. Жизнь пола не принадлежитъ къ одной только области фізіологіи; напротивъ, субъективно для каждаго человѣка при вступленіи въ эту жизнь главную роль играетъ не ея фізіологическая, а психическая, эмоціональная сторона. Игнорировать ее—значить исказить истину, говорить о ней съ ребенкомъ—значить безцѣльно и бессмысленно тратить слова. Съ этой точки зрѣнія вопросъ значительно усложняется, и единое, безспорное рѣшеніе его, конечно, еще не найдено.

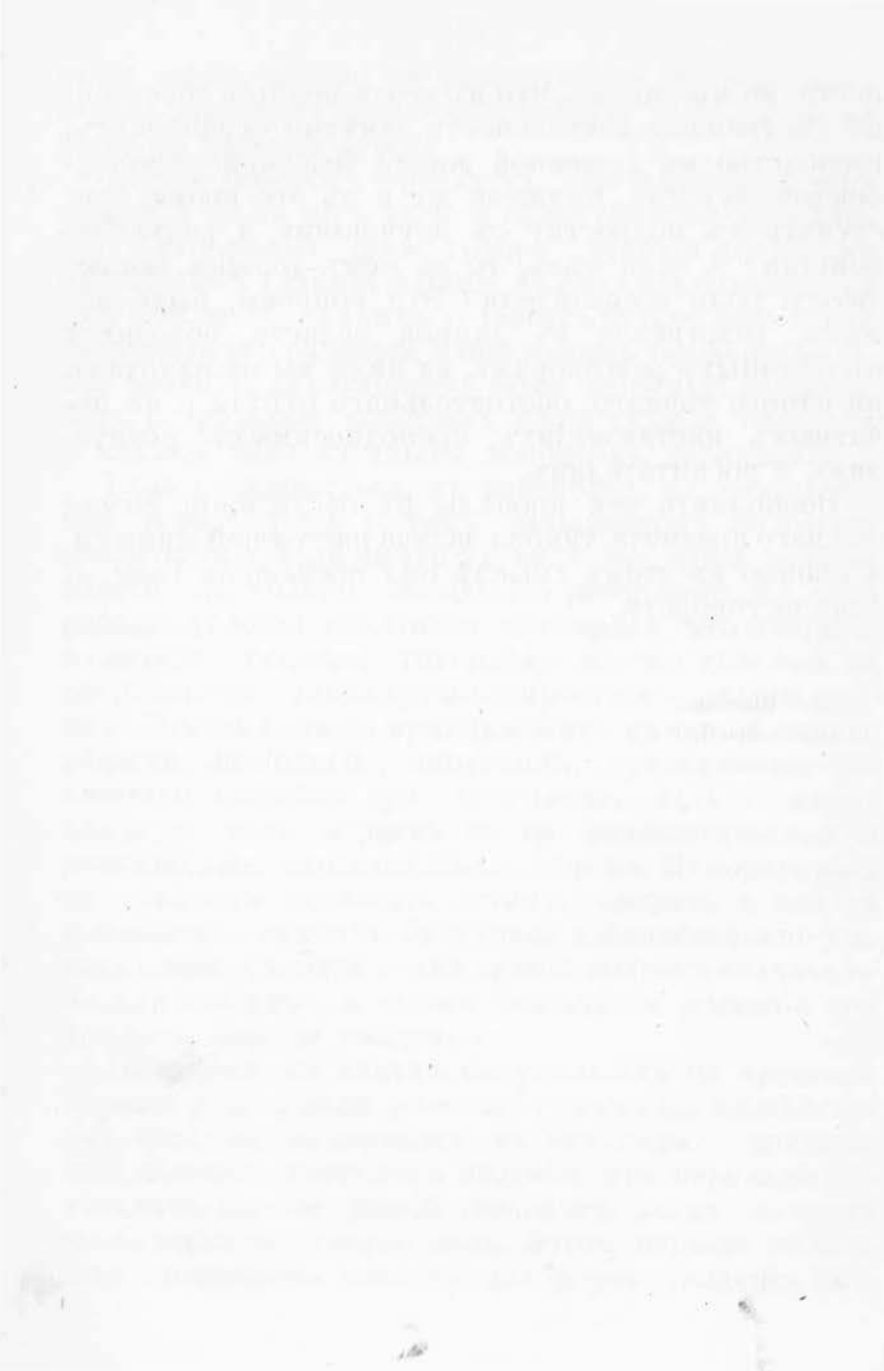
Наконецъ, въ какихъ бы условіяхъ ни протекли первые годы жизни ребенка, какимъ бы воздѣйствіямъ онъ ни подвергался въ эти годы,—критическій моментъ наступитъ позднѣе, при переходѣ изъ дѣтскаго въ отроческій возрастъ, когда начнетъ пробуждаться чувство пола. Этотъ періодъ имѣетъ часто рѣшающее значеніе для формирующейся лич-

ности, но мы знаемъ, что въ этотъ періодъ собственно умственная дѣятельность замѣтно ослабѣваетъ, господство въ душевной жизни безспорно принадлежитъ чувству. Неужели же и въ это время приступать къ подростку съ поученіями и разъясненіями? А если нѣтъ, то въ чемъ должна заключаться роль воспитателя? Эти вопросы, быть можетъ, важнѣйшіе въ данной области, обходятся въ обычныхъ разговорахъ, на нихъ мы не находимъ ни одного точнаго, обстоятельнаго отвѣта и въ печатныхъ наставленіяхъ, преподносимыхъ родителямъ и воспитателямъ.

Восполнить эти пробѣлы въ обсужденіи жгуче важнаго предмета, такова задача настоящей книжки, и именно въ этомъ смыслѣ она посвящена тому, о чемъ не говорятъ.

Шапково.

Сентябрь 1908 г.



О ЧЕМЪ ГОВОРЯТЪ.

(Обзоръ литературы).

Когда важный предметъ становится моднымъ вопросомъ, съ нимъ случается самое худшее изъ всего, что можетъ случиться: о модномъ вопросѣ много говорятъ и пишутъ, въ морѣ празднословія онъ теряетъ свои подлинныя очертанія и попадаетъ въ невѣрную перспективу, а затѣмъ сходитъ со сцены. Модный вопросъ вытѣсняется слѣдующимъ моднымъ вопросомъ, а скрытый подъ нимъ важный предметъ какъ былъ, такъ и остается; можно только съ увѣренностью сказать, что вниманіе публики не скоро будетъ снова къ нему привлечено. Именно эта участь грозитъ тому предмету, который получилъ теперь вывѣску «вопроса о половомъ воспитаніи дѣтей».

Важность предмета почти каждый взрослый знаетъ по себѣ, потому что, если немного есть людей, которые могутъ сказать, что чисто прожили свою жизнь, то во сколько еще разъ меньше такихъ, которые чисты и душою, у которыхъ нѣтъ не только дурныхъ дѣлъ, но и дурныхъ помышлений? Ни въ какой области не загрязняется такъ воображеніе людей, какъ въ области отношеній къ другому полу, и здѣсь зло имѣетъ особенно роковой характеръ: оно непосредственно отражается на слѣдующемъ поколѣніи, которое, съ одной стороны, является на свѣтъ болѣе слабымъ, болѣе воспримчивымъ къ тому же злу, а съ другой—находитъ вокругъ себя атмосферу, съ избыткомъ насыщенную этимъ зломъ. Справедливо нѣмецкое изреченіе *Der Knabe ist des Mannes Vater*: что получить въ дѣтствѣ мальчикъ, тѣмъ

будетъ владѣть въ зрѣломъ возрастѣ мужчина, и потому правильно, конечно, задуматься надъ вопросомъ, какъ достигнуть того, чтобы именно дѣти росли, не загрязняя себѣ воображенія? Отъ этого вѣдь въ такой огромной мѣрѣ зависитъ ихъ душевный миръ, ихъ будущая жизнь! А допустить начало порчи воображенія, значитъ допустить нѣчто непоправимое, что уже никогда не можетъ быть устранено вполне и безъ слѣда.

При важности предмета, которая, собственно, не нуждается въ особыхъ доказательствахъ, и которую все же считаетъ долгомъ пространно доказывать каждый авторъ, задающійся цѣлью писать на эту тему, нельзя не удивляться тѣмъ жалкимъ средствамъ, какія выдвигаются этими авторами для борьбы съ зломъ, которое они же сами рисуютъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Дальше разговоровъ съ дѣтьми и, въ лучшемъ случаѣ, соблюденія нѣкоторыхъ элементарныхъ предписаній гигиены эти средства не идутъ, и трудно себѣ представить, чтобы люди, рекомендующіе ихъ, сами искренно вѣрили, будто этими средствами могутъ быть достигнуты какіе либо существенные результаты. Здѣсь передъ нами педагоги, говорящіе новое слово въ предѣлахъ старой рутины, но не дерзающіе выглянуть за эти предѣлы, откуда вся картина предстала бы имъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. А между тѣмъ, можно ли на самомъ дѣлѣ убѣжденно толковать объ уничтоженіи одного частичнаго зла, пока продолжаютъ господствовать причины, порождающія его?

Типическимъ образчикомъ лже-педагогической литературы, возвѣщающей этой новое слово, можетъ служить книжка Н. Жаринцовой. «Объясненіе полового вопроса дѣтямъ». Какъ видно изъ заглавія, центръ тяжести г-жа Жаринцова помѣщаетъ въ словахъ, она хочетъ показать, какъ надо «объяснять половой вопросъ дѣтямъ», и дѣйствительно, дальше словъ рекомендуемыхъ ею мѣръ не идутъ. Въ пышномъ предисловіи, облеченномъ въ форму «письма къ нѣкоторымъ русскимъ родителямъ», г-жа Жаринцова

клеить тѣхъ родителей, которые по неразумію или небрежности оставляютъ своихъ дѣтей въ жертву нравственной порчѣ, и предупреждаетъ, что книжка ея написана только для тѣхъ, кто и желалъ бы дать дѣтямъ разумное объясненіе, но не рѣшается или не знаетъ, какъ къ нему приступить. Пусть намѣренія г-жи Жаринцовой самыя лучшія, но едва ли сама она умѣетъ лучше проникнуть въ дѣтскую душу, чѣмъ тѣ родители, на которыхъ она такъ беспощадно и справедливо обрушивается. Многіе родители, желая оградить «невинность» своихъ дѣтей, считаютъ лучшимъ путемъ для этого «невѣдѣніе» и потому всякими способами—то грубыми окриками, то сентиментально-лживыми выдумками—уклоняются отъ правдивыхъ отвѣтовъ на естественно возникающіе у дѣтей вопросы. Результатомъ является, конечно, только отчужденіе между родителями и дѣтьми, и г-жа Жаринцова справедливо подчеркиваетъ, что дѣти все равно узнаютъ то, что хотятъ узнать, но узнаютъ изъ грязныхъ источниковъ, и правда предстанетъ передъ ними въ чудовищно-извращенномъ видѣ. Г-жа Жаринцова права: дѣтская любознательность—это не фонтанъ, который можно заткнуть, а живой ручей, ищущій себѣ пути вопреки всѣмъ преградамъ, какими бы ни пытались его задержать. Но, отвергая нелѣпое, обманчивое и не достигающее цѣли «невѣдѣніе», г-жа Жаринцова путемъ слишкомъ упрощеннаго логическаго разсужденія приходитъ къ противоположному полюсу и настойчиво рекомендуетъ полное знаніе, безъ всякихъ недомолвокъ и околичностей. Разъ вставши на эту радикальную точку зрѣнія, г-жа Жаринцова въ своемъ радикализмѣ дѣлаетъ рядъ довольно понятныхъ промаховъ. Она правильно указываетъ, что въ первые годы ребенокъ не испытываетъ никакого смущенія при разговорахъ на «щекотливыя» темы,—и то, что онъ услышитъ въ этихъ разговорахъ, нисколько не покажется ему удивительнѣе всего остального, что онъ постепенно узнаетъ о мірѣ каждый день. Но г-жа Жаринцова не замѣчаетъ, что есть разница между тѣмъ, какъ приобрѣ-

таетъ ребенокъ каждый день новыя свѣдѣнія объ окружающемъ мірѣ, и тѣмъ, какъ ему надлежитъ узнать о явленіяхъ половой жизни по ея рецепту. Вѣдь первыхъ свѣдѣній ему никто не навязываетъ (если оставить въ сторонѣ «учебу»), онъ получаетъ ихъ тогда, когда у него самого по какому либо поводу возникли вопросы; а тутъ рекомендуется «смѣло и спокойно сѣсть со своимъ подрастающимъ мальчикомъ или дѣвочкой въ какомъ нибудь уютномъ и привычномъ углу, навести разговоръ на эту частную тему и рассказать ему все». По мнѣнію г-жи Жаринцовой, надо именно *навести*, а не дожидаться вопросовъ, потому что «лучше предупредить, поторопить объясненіе на цѣлый годъ, чѣмъ опоздать съ нимъ на пять минутъ». Г-жа Жаринцова справедливо очень высокаго мнѣнія о дѣтской чуткости, благодаря которой отъ ребенка не ускользаетъ фальшивый тонъ, взятый родителями; неужели же она думаетъ, что ребенокъ не почувствуетъ преднамѣренности въ томъ, что его «наводятъ» на какую-то тему, до которой онъ самъ еще не дошелъ? А если такъ, то ребенокъ, разъ онъ не тупъ, начнетъ подозрѣвать здѣсь нѣчто исключительное, его интересъ къ данной области непременно будетъ повышенный—по винѣ матери, которая хотѣла достичь какъ разъ обратнаго результата. Между тѣмъ г-жа Жаринцова, очевидно, плохо вѣря въ родительскій тактъ, не только совѣтуетъ предупреждать событія, но и находитъ, что «лучше сказать слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало». Что сказала бы, однако, г-жа Жаринцова, если бы какой нибудь врачъ, прописывая ей ребенку лекарство, дѣйствіе котораго еще далеко не выяснено съ безусловной точностью, посовѣтовалъ «лучше давать его слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало»?

Сама г-жа Жаринцова, безспорно, даетъ «слишкомъ много». Процессъ оплодотворенія—не у растений только, а и у животныхъ и у людей—она описываетъ съ обстоятельностью, умѣстной, пожалуй, только въ университетскомъ учебникѣ физиологіи, а о сношеніяхъ половъ говоритъ бук-

важно слѣдующее: «Бываетъ, что мужъ съ женою сходятся нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, даже нѣсколько разъ въ недѣлю,—а дѣтей у нихъ все-таки нѣтъ; иногда это происходитъ отъ неизвѣстныхъ причинъ, а иногда именно отъ того, что мужъ не даетъ собраться съ силами своей половой системѣ; и такія частыя половыя сношенія нехороши уже потому, что женщину это очень утомляетъ, далеко не всегда бываетъ пріятно, и она можетъ совсѣмъ ослабѣть какъ разъ къ тому времени, когда въ ней, наконецъ, зародится маленькое существо, требующее столько силы и здоровья отъ тѣхъ, кто далъ ему жизнь». — Но вѣдь разговоръ долженъ вестись, по указанію самой же г-жи Жаринцовой, съ ребенкомъ непременно до пробужденія въ немъ полового инстинкта, т. е. съ 8—12-лѣтнимъ. Неужели же ему нужна вся эта правда только потому, что она—правда? И не заставятъ ли его эти разговоры «въ уютномъ и привычномъ углу» задумываться надъ данными темами гораздо больше, чѣмъ желательно было бы воспитателю?

Если, такимъ образомъ, нельзя согласиться съ системой, которую рекомендуетъ г-жа Жаринцова, то не менѣе трудно одобрить и содержаніе ея разговоровъ съ дѣтьми. Она рассказываетъ, какъ размножается все живое, начиная съ простѣйшихъ организмовъ и кончая человѣкомъ, но въ свои разговоры вноситъ такіе элементы, противъ которыхъ запротестуетъ всякій естествоиспытатель. Между животными проводится какая-то качественная разни́ца въ зависимости отъ того, имѣются ли у нихъ отдѣльные выходы для принятія сѣмени или нѣтъ; такъ, «намъ пріятно знать, что голенькія, нѣжныя тѣла ребятишекъ выходятъ на свѣтъ божій по отдѣльному пути, въ который попадаютъ кромѣ нихъ только ихъ же первоначальныя частицы, принесшія имъ жизнь изъ тѣла отца». Животныя, которыя устроены иначе, должны бы, очевидно, рождаться грязными, но они появляются на свѣтъ, заключенные въ скорлупу яйца или въ упругую оболочку икры, и потому «наше

чувство нѣжности и чистоплотности не оскорбляется тѣмъ, что это яйцо не имѣетъ отдѣльнаго пути для выхода изъ тѣла матери, а должно спускаться къ тому же отверстию, изъ котораго выходятъ отбросы организма: оно все равно остается чистымъ въ своей скорлупѣ». Замѣчательно и слѣдующее противопоставленіе, которое авторъ дѣлаетъ по поводу лягушекъ: «отдѣльныхъ половыхъ отверстій у нихъ нѣтъ, а всѣ выдѣленія организма—и изъ кишечника, и изъ почек—сходятся въ нижній конецъ прямой кишки; но это не мѣшаетъ лягушкамъ проявлять большую нѣжность къ своимъ будущимъ дѣтямъ». Какія представленія должны сложиться у дѣтей на основаніи такихъ разсказовъ? Какъ направится ихъ нравственное чувство, когда въ ихъ отношеніи къ живымъ существамъ будетъ играть роль совершенно нелѣпое въ данномъ случаѣ соображеніе о томъ, по какому выходу являются на свѣтъ эти существа изъ материнскаго организма. Г-жа Жаринцова допускаетъ этотъ пріемъ для того, чтобы сдѣлать возможно болѣе прекрасною связь между родителями и дѣтьми. И вообще въ своихъ педагогическихъ цѣляхъ она мало стѣсняется съ природой; такъ, она смѣло утверждаетъ о животныхъ, въ противоположность человѣку, что «продолженіе рода есть единственное дѣло, порученное имъ природой»; «дойдя болѣе или менѣе систематично до млекопитающихъ», она переходитъ затѣмъ прямо къ человѣку, потому что «иначе пришлось бы разсказать о всемъ хорошемъ, производящемъ на дѣтей глубокое впечатлѣніе, именно относительно животныхъ, а на долю человѣка осталось бы только повтореніе (значитъ ослабленіе впечатлѣнія)—и развратъ». Очевидно, г-жа Жаринцова не понимаетъ, что любовь cadaго даннаго ребенка именно къ своей матери есть для него единственно живой въ этой области, осязательный фактъ, который посредствомъ аналогіи можетъ помочь понять другіе факты, но который самъ не требуетъ никакихъ прикрасъ, и для подкрѣпленія котораго нѣтъ нужды извращать перспективу всего живого міра. Но все это—частности, хотя

и далеко не маловажныя. Необходимо поставить вопросъ въ цѣломъ: если передъ ребенкомъ пройдетъ въ разсказахъ вся цѣпь живыхъ существъ, и всѣ существа эти будутъ разсматриваться исключительно со стороны воспроизведенія,—получится ли у ребенка вообще правильное и разумное представленіе о жизни природы, и не повысится ли его интересъ къ одной сферѣ опять-таки больше, чѣмъ желательно было бы воспитателю?

Г-жа Жаринцова права въ своемъ негодованіи на существующее зло, но по ея рецепту не уврачевать этого зла. И безсиліе лекарства лучше всего видно изъ послѣднихъ страницъ ея книги. «Каждая дѣвочка, которая хочетъ быть здоровой и счастливой матерью, бережетъ свою природу. Но это не значитъ—ничего не дѣлать и валяться по диванамъ: а напротивъ, работать умомъ и мускулами большую часть дня—и надъ ученьемъ, и въ саду, и по хозяйству, и при младшихъ дѣтяхъ; вездѣ для нея найдется разумное дѣло, если только у нея хватитъ догадливости и желанія взяться за него; послѣ этого и прогулки на свѣжемъ воздухѣ, и музыка, и рисованье, и простая бѣготня, и коньки, и лѣтнія удовольствія—все будетъ идти впрокъ и доставлять настоящій отдыхъ». Наставленіе такого же рода преподносится въ заключеніе и мальчикамъ. Не ясно ли, что мать совсѣмъ не увѣрена въ томъ, что достигла цѣли, если свои разговоры она заканчиваетъ этой дешевой прописной моралью,—тысячу разъ преподносимую дѣтямъ и теперь, и никогда не дѣйствующую? Не очевидно ли, что она сама чувствуетъ, что дѣло совсѣмъ не въ томъ только, какъ разсказать дѣтямъ, какъ объяснить тѣ или другія явленія, что отъ однихъ лишь выслушанныхъ словъ дѣти еще нисколько не сдѣлаются лучше?

По избытку откровенности на-ряду съ книжкой г-жи Жаринцовой надо поставить обращеніе г-жи Чуйко «Къ нашимъ дѣтямъ (Бесѣда о происхожденіи человѣка)». Обращеніе адресовано «пяти-шестилѣтнимъ дѣтямъ», и въ немъ на протяженіи пяти страничекъ разсказано, какъ

полагается, въ систематическомъ порядкѣ о размноженіи растений, рыбъ, птицъ, млекопитающихъ и человѣка. Во вступительной замѣткѣ приведены слова автора, ясно показывающія желательный ему методъ пользованія книжкой. «Я совѣтую прочитать нѣсколько разъ мою, съ умысломъ краткую и сжатую статейку. Я писала кратче, чтобы имѣть возможность въ одинъ пріемъ все внушить ребенку. Вообще же мною подмѣчено, что дѣти имѣютъ большой интересъ къ этому вопросу, и повтореніе чтенія не прискучить. Мало-мальски развитое дитя не удовлетворится объясненіемъ сегодня о цвѣтахъ, завтра о слѣдующемъ и т. д., оно поглотитъ все; но надо повторяться, чтобы оно усвоило подробности». Трудно представить себѣ большее непониманіе дѣтской души. Извѣстно, что ребенокъ мыслить только предметными образами; точныя изслѣдованія показали, что отвлеченныя понятія ему почти совершенно чужды, а тутъ ему предлагается огромнѣйшее обобщеніе на основаніи схематически изложенныхъ фактовъ, которые, какъ факты, еще очень мало наблюдались ребенкомъ. Г-жа Чуйко, конечно, знаетъ, что дѣтямъ не прискучиваетъ безконечное повтореніе одной и той же сказки, и этимъ свойствомъ дѣтей она, очевидно, хочетъ воспользоваться. Но какъ далеко ея писаніе отъ тѣхъ сказокъ, которыя не надоѣдаютъ! И отъ того, что здѣсь все только говорится о «травкѣ», «рыбкахъ», «курочкѣ», «ребеночкѣ», оно едва ли станетъ привлекательнѣе и интереснѣе. Можно себѣ представить только два случая, какъ результаты того метода, который рекомендуется г-жей Чуйко: или ребенокъ, послушный и выдрессированный, будетъ принимать повторное чтеніе ея произведенія, какъ онъ принимаетъ свою ложку рыбьяго жира, или же онъ начнетъ особенно внимательно изучать съ помощью экспериментовъ свое тѣло, тѣло другихъ дѣтей и животныхъ—исключительно съ одной стороны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ, конечно, не будетъ въ большомъ выигрышѣ.

Въ одну группу съ разсмотрѣнными двумя оригиналь-

ными русскими произведеніями надо отнести два переводныхъ, очень близкихъ къ первымъ по своему характеру: Штиль, «Обязанности матери. (О половой педагогикѣ.)» и Океръ-Бломъ, «Что рассказывалъ дядя докторъ мальчику-племяннику. (Первоначальныя свѣдѣнія изъ области половой жизни)».

Первая — небольшая брошюра, соединенная въ одной обложкѣ съ «обращеніемъ» г-жи Чуйко, представляетъ собою довольно безцвѣтное произведеніе, гдѣ собрано нѣсколько примѣровъ разумаго разъясненія дѣтямъ явленій половой жизни. Теоретическая часть не блещетъ оригинальностью: надо рассказать дѣтямъ, а по возможности и показать имъ оплодотвореніе растеній, а затѣмъ — дѣло материнскаго такта каждый разъ «сказать имъ именно столько, сколько требуется въ данную минуту для удовлетворенія ихъ любознательности, не возбуждая въ то же время охоты къ дальнѣйшимъ разспросамъ». Болѣе подробныхъ указаній, чего либо систематическаго авторъ не даетъ и вмѣсто того переходитъ къ изложенію нѣсколькихъ «примѣровъ подобныхъ объясненій, осуществленныхъ на практикѣ» и дѣйствительно болѣе или менѣе интересныхъ.

Книжка д-ра Океръ-Блома содержитъ, по существу, все тѣ же мысли, но преподноситъ ихъ въ беллетристической формѣ, и если мысли вызываютъ на ту же критику, то форма здѣсь — ниже всякой критики. Дядя докторъ сообщаетъ гостящему у него въ деревнѣ племяннику въ нѣсколько пріемовъ тѣ «первоначальныя свѣдѣнія», которыя обозначены въ подзаголовкѣ книжки. Изложеніе его чрезвычайно кратко и схематично, ясныхъ представлений оно, конечно, дать не можетъ, но всякій разъ въ тотъ моментъ, когда со стороны живого мальчика должны бы посыпаться разные затруднительные вопросы, авторъ самымъ простымъ способомъ облегчаетъ себѣ задачу: глава кончается — то дядю доктора зовутъ къ больному, то наступаетъ «время, когда дядя обыкновенно прогуливался одинъ передъ обѣдомъ». То, о чемъ не говорить.

Возникають ли у мальчика - племянника какіе нибудь вопросы, мы не знаемъ. Онъ, правда, говоритъ: «Вечеромъ того дня, какъ мой дядя рассказывалъ мнѣ про размноженіе растений, я долженъ былъ дѣлать надъ собой усилія, чтобы заснуть, хотя порядочно усталъ, проведя цѣлый день на воздухѣ». Но это и все, что мы узнаемъ о его внутреннемъ мірѣ. Тамъ, гдѣ для настоящаго беллетриста открывалась бы богатая и наиболѣе интересная область, д-ръ Океръ - Бломъ ставитъ точку, а «мальчикъ - племянникъ» играетъ въ его рассказѣ такую же роль, какая принадлежитъ деревяннымъ манекенамъ въ магазинахъ готоваго платья. Но то, что впору неподвижнымъ манекенамъ, никогда не бываетъ впору живымъ людямъ, и книжка д-ра Океръ-Блома, быть можетъ, годилась бы деревяннымъ мальчикамъ, для живыхъ же она болѣе чѣмъ бесполезна.

Нѣсколько иной характеръ, больше обще-теоретическій и меньше — прикладной, имѣетъ рядъ слѣдующихъ книжекъ на ту же тему, появившихся въ недавнее время: Марія Лишневская «Половое воспитаніе дѣтей», Хотценъ «Половая жизнь и воспитаніе», Рюле «Объясненіе половых отношеній дѣтямъ», Геллеръ «Половой вопросъ и школа», Бушъ «Долой сказки объ аистахъ!». Содержаніе всѣхъ этихъ этихъ книгъ довольно однообразно и при томъ до крайности убого. Въ каждой изъ нихъ дается болѣе или менѣе мрачное описаніе существующихъ золъ, дѣлается выводъ о томъ, что необходимо говорить дѣтямъ правду, а не скрывать отъ нихъ явленій половой жизни, а затѣмъ всюду слѣдуетъ одинъ и тотъ же рецептъ: какъ рассказать дѣтямъ о размноженіи растений, далѣе — рыбъ, птицъ, млекопитающихъ и человѣка. Точка отправленія у всѣхъ авторовъ одна и та же: какъ избѣжать существующаго зла. Каковъ положительный идеалъ воспитанія, опредѣляющій между прочимъ, какъ одну изъ частныхъ, и такъ называемое половое воспитаніе, объ этомъ нигдѣ не говорится ни слова. Нѣкоторымъ исключеніемъ можно признать книжку Рюле, ставящую вопросъ въ болѣе широкія рамки. Но

что это за рамки? Книжка Рюле—рефератъ, читанный на социаль-демократическомъ собраніи и напечатанный по постановленію этого собранія. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что рефератъ этотъ, посвященный одному частному педагогическому вопросу, носить все-же ярко выраженный политическій характеръ. Уже первыя слова показываютъ, какой обширный фонъ авторъ желаетъ дать своему вопросу: «Среди всѣхъ вопросовъ и задачъ современнаго воспитанія молодежи на-ряду съ вопросомъ объ устраненіи изъ народной школы преподаванія Закона Божія стоитъ на первомъ планѣ, возбуждаетъ наибольшій интересъ и вызываетъ оживленныя пренія вопросъ о разъясненіи дѣтямъ половыхъ отношеній. Если его постановка является логическимъ и необходимымъ слѣдствіемъ буржуазно-капиталистическаго міровоззрѣнія и морали, то его разрѣшеніе явится логическимъ слѣдствіемъ социалистическаго міровоззрѣнія и социалистической морали». Доказать это общее положеніе, развитъ вытекающіе изъ него выводы и такимъ образомъ перейти къ непосредственной темѣ реферата на 14 страницахъ текста, конечно, невозможно. И дѣло, дѣйствительно, ограничивается все тѣмъ же заѣзженнымъ рецептомъ съ небольшимъ предварительнымъ отступленіемъ, гдѣ авторъ старается выяснитъ роль христіанства въ распространеніи пренебреженія и презрѣнія къ тѣлу. Заключительныя слова опять уводятъ насъ очень далеко отъ поставленной темы: «Каждый изъ насъ энергично долженъ содѣйствовать объединенію всего рабочаго класса въ экономическія и политическія боевыя организации, чтобы овладѣть политической властью и преобразовать капиталистическій общественный порядокъ; такимъ образомъ будутъ созданы необходимыя предварительныя условія, которыя обезпечатъ школѣ возможность въ совершенствѣ выполнять свое назначеніе—образовывать людей». Нѣтъ спору, положеніе дѣтей пролетаріата въ очень многихъ отношеніяхъ ужасающе, темныя стороны половой жизни при настоящемъ строеѣ отражаются на нихъ очень

пагубно, особенно на женской половинѣ, но въ данномъ случаѣ едва ли умѣстна какая нибудь специфически-пролетарская точка зрѣнія, такъ какъ зло, о которомъ идетъ рѣчь, находитъ себѣ достаточно жертвъ и въ средѣ буржуазіи, и въ аристократическихъ сферахъ. Дѣти сами не признаютъ между собою никакихъ классовыхъ различій, и для взрослого всѣ они—только «малые сіи»; неужели можетъ, въ самомъ дѣлѣ, возникнуть вопросъ о томъ, какого ребенка больше жаль—пролетарскаго и буржуазнаго, когда онъ въ той ли, или другой формѣ подвергается дѣйствию разврата? А этому дѣйствию подвергаются при настоящихъ условіяхъ почти всѣ, и дѣло заключается въ томъ, чтобы установить, при какихъ условіяхъ разврату не будетъ мѣста. Условія же для полного, свободнаго развитія ребенка одни и тѣ же, независимо отъ экономическихъ и социальныхъ перегородокъ; они опредѣляются свойствами человѣческой природы, которая такъ же, какъ и божественная любовь, не знаетъ ни эллина, ни іудея. Искать этихъ условій—вотъ задача педагогики, и ее нисколько не приближаетъ къ разрѣшенію призывъ: объединяться для того, чтобы захватить политическую власть и чтобы благодаря ей, между прочимъ, добиться устройства какихъ-то образцовыхъ школъ.

Должна ли и можетъ ли школа вообще играть въ этой области какую либо роль? Профессиональные педагоги отвѣчаютъ на этотъ вопросъ безъ особыхъ колебаній утвердительно, такъ какъ для нихъ здѣсь рѣчь идетъ просто о новомъ учебномъ предметѣ. Подавляющее большинство родителей—во всѣхъ слояхъ общества—рѣшительно неспособны дать дѣтямъ обстоятельное и правильное разъясненіе, такъ какъ прежде всего не обладаютъ для этого достаточными знаніями. И надо повторять, говорить М. Лишневская, «что это дѣло исключительно педагога, что оно должно вестись методически и что поэтому оно, подобно преподаванію хотя бы исторіи или математики, требуетъ методиковъ, иначе говоря, специалистовъ». Такимъ

образомъ, половое воспитаніе приравнивается къ преподаванію математики; это, разумѣется, возможно только при томъ непониманіи психологіи, которое отражается и въ фразѣ г-жи Лишневской, что «нравственная чистота, невинность рода человѣческаго достижима путемъ естественно-научнаго познания». Не уподобленіе, а полная подмѣна происходитъ, однако, когда на мѣсто «полового воспитанія» ставится «естественно-научное преподаваніе», и всѣ разнообразныя воспитательныя воздѣйствія ограничиваются только класснымъ обученіемъ. Последнее представляется въ слѣдующемъ видѣ: «Въ третьемъ классѣ, слѣдовательно для восьмилѣтняго ребенка, начинается естественно-научное преподаваніе. Уже здѣсь ребенокъ знакомится съ растеніями, органы размноженія которыхъ чрезвычайно отчетливо развиты, и съ ихъ функціями. Онъ рисуетъ тычинки и пестики, видитъ, какъ пыльца падаетъ на рыльце женскаго органа, слышитъ о томъ, какъ послѣдній растетъ, видитъ яички, лежащіе въ завязи, и узнаетъ, какъ они, благодаря прикосновенію пыльцы, пробуждаются къ жизни». Это, очевидно, считается удовлетворительнымъ способомъ ознакомленія съ природой, и на такомъ «естественно-научномъ преподаваніи», гдѣ ребенокъ главнымъ образомъ слышитъ, узнаетъ, рисуетъ и смотритъ картины, должно строиться половое воспитаніе. Въ успѣхъ его, конечно, можетъ вѣрить только тотъ, кто полагаетъ, что нравственность и знанія—явленія одного порядка, да и тотъ, пожалуй, усомнится, получаютъ ли такимъ путемъ настоящія знанія.

Еще гораздо дальше по тому же пути идетъ Геллеръ въ своей книжкѣ «Половой вопросъ и школа». Что дѣло именно школы «просвѣтить» подрастающее поколѣніе въ данномъ вопросѣ, это для него не представляется совсѣмъ спорнымъ, и занимаютъ его по преимуществу соображенія о томъ, какъ организовать преподаваніе. На кого изъ педагогическаго персонала должно быть возложено это преподаваніе—на учителя, врача или священника? Разрѣшивъ вопросъ въ пользу перваго, авторъ очень обстоя-

тельно разсматриваетъ затѣмъ, къ какому изъ существующихъ учебныхъ предметовъ удобнѣе всего присоединить преподаваніе новаго «предмета»; здѣсь конкуррентами являются и антропологія, и уроки морали, но предпочтеніе отдается, по тщательномъ обсужденіи, естественнымъ наукамъ, и авторъ прилагаетъ въ концѣ своей книги «планъ для преподаванія полового вопроса» въ связи съ курсомъ естественной исторіи. Чтобы понять внутреннюю цѣнность такой постановки вопроса, лучше всего сослаться на слова самого Геллера изъ его аргументаціи въ пользу представленія дѣла именно школѣ. Чрезвычайно трудно, говорить онъ, достигнуть «яснаго и полнаго освѣщенія половыхъ отношеній внѣ рамокъ преподаванія естественной исторіи. Необходимость привлеченія аналогичныхъ или тождественныхъ явленій въ остальномъ мірѣ живыхъ организмовъ требуетъ подробнаго знакомства съ отдѣльными частями естественной исторіи. А это знакомство, конечно, у всѣхъ испаряется черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ школы,—къ концу школьнаго образованія старшаго курса». Для всякаго не-профессіональнаго педагога отсюда вытекало бы, что все преподаваніе въ школѣ, значить, никуда не годится. Вопросъ въ томъ, какъ давать настоящія, прочныя знанія, и едва ли стоитъ говорить о включеніи еще новаго предмета въ кругъ тѣхъ, которые все равно черезъ нѣсколько лѣтъ, «конечно, у всѣхъ испаряются».

Во всемогущество словъ еще больше вѣрить другой авторъ, Хотценъ, который находитъ желательнымъ просвѣщать не только дѣтей, но и солдатъ. «Для большинства солдатъ время службы является дѣйствительнымъ успѣшнымъ временемъ ихъ воспитанія. То, что усвоить солдаты въ этотъ періодъ въ области гигиеническихъ наставленій, будетъ использовано не только имъ непосредственно. Въ тотъ моментъ, когда онъ, выпущенный изъ строя, возвратится на свою родину, онъ становится апостоломъ гигиены и распространяетъ среди окружающихъ все то,

что онъ воспринялъ изъ подобныхъ общепользныхъ свѣдѣній». Читая эти слова, просто глазамъ не вѣришь. Офицеровъ, по мнѣнiю Хотцена, надо «наставлять», что они «обязаны заботиться о своемъ здоровьи, чтобы во всякое время отдаваться военной службѣ, которой они присягнули, въ наилучшемъ физическомъ состоянiи;» поэтому офицеръ «обязанъ по мѣрѣ силъ избѣгать болѣзней, которыя онъ можетъ предвидѣть». По истинѣ великолѣпно здѣсь это «по мѣрѣ силъ». Что касается дѣтей, то необходимо, чтобы родители давали въ доступной для ихъ пониманiя формѣ объясненiя, «пользуясь, какъ аналогiей, наполняющими мысленный мiръ ребенка наблюденiями надъ природой, оплодотворенiемъ цвѣтовъ, размноженiемъ домашнихъ животныхъ». Если же родители не смогутъ или не захотятъ говорить съ дѣтьми о такихъ вещахъ,—«въ такихъ случаяхъ непреодолимой робости остается выходъ просить домашняго врача сдѣлать разъясненiя». Если и это почему либо невозможно, тогда «школа, учительскiй персоналъ является той инстанцiей, которая, какъ и въ другихъ вопросахъ воспитанiя, такъ и въ половомъ, должна занять мѣсто родителей». «Рядомъ съ учительскимъ персоналомъ и родителями можетъ оказать влiянiе въ этой области и духовный пастырь». Словомъ, ребенокъ долженъ подвергаться обработкѣ со всѣхъ сторонъ, и все это на основанiи тѣхъ наблюденiй надъ природой, которыя будто бы «наполняютъ мысленный мiръ ребенка», но которыхъ въ дѣйствительности, при нынѣшнихъ условiяхъ, у него совсѣмъ нѣтъ. Не оставляетъ безъ вниманiя Хотценъ и взрослую молодежь неимущихъ классовъ; для поднятiя ея нравственности «нужно разсматривать всѣ учрежденiя, ставящiя себѣ цѣлью дать и низшимъ слоямъ что нибудь изъ житейскихъ радостей, выпадающихъ обыкновенно на долю только лучше надѣленныхъ,—ихъ нужно разсматривать, какъ воспитательныя средства, могущiя удержать подальше отъ половыхъ соблазновъ. Потому необходимо, чтобы государство и общепользные общества поддерживали, какъ средство въ

этомъ направленіи, вечера для служащихъ женскаго пола, вечера съ собесѣдованіями для народа, народныя представленія, народные концерты, народныя читальни». На протяжении сорока крохотныхъ страничекъ авторъ, такимъ образомъ, успѣваетъ «освѣтить» вопросъ съ самыхъ различныхъ сторонъ, и вездѣ онъ при этомъ обнаруживаетъ одинаковую широту взглядовъ, о которой можно судить по приведеннымъ выдержкамъ. Книжка Хотцена, не совсѣмъ грамотно переведенная, представляетъ собою первый выпускъ серіи «Педагогика полового вопроса», которою обѣщаетъ обогатить русскую литературу д-ръ А. И. Гринфельдъ въ Одессѣ. Если дальнѣйшіе предполагаемые выпуски соотвѣтствуютъ первому по общему направленію и серьезности содержанія, то можно пожелать, чтобы они такъ и остались въ портфель редактора: макулатуры и безъ нихъ на книжномъ рынкѣ достаточно.

Книга Буша носить длинный подзаголовокъ: «Практическое руководство, какъ разсказать дѣтямъ правду половой жизни и предохранить свою семью отъ нравственной порчи. Необходимо для родителей въ дѣлѣ воспитанія». Этотъ подзаголовокъ, напоминающій газетную рекламу о какомъ нибудь сомнительномъ средствѣ, можетъ служить хорошимъ предостереженіемъ для читателя: подъ такими рекламами обыкновенно скрывается недоброкачественный товаръ. Книга Буша почти вся состоитъ изъ цитатъ, которыя имѣютъ цѣну каждая—тамъ, откуда она взята, но не въ томъ соединеніи, какое онѣ получили въ этомъ мозаичномъ трудѣ. Судя по подбору цитатъ, можно усомниться, насколько призванъ авторъ заботиться о насажденіи половой нравственности. А тамъ, гдѣ онъ говоритъ отъ себя, уже всякія сомнѣнія исчезаютъ. «Первая склонность дѣвочки относится къ отцу, первая дѣтскія вожделѣнія мальчика—къ матери. Половой выборъ сказывается обыкновенно уже и въ родителяхъ; въ силу естественнаго влеченія мужъ нѣжно балуетъ маленькихъ дочерей, а жена сыновей, тогда какъ вообще оба они съ одинаковою строгостью обращаются

съ дѣтьми въ дѣлѣ воспитанія, когда чары пола не заглушаютъ въ нихъ голоса здраваго смысла»,—это, по мнѣнію автора, «долженъ признать всякій человѣкъ, свободный отъ предразсудковъ». Такимъ образомъ, благодаря модности вопроса, даже половой психопатъ пишетъ «практическое руководство, необходимое для родителей въ дѣлѣ воспитанія», и его печатаютъ, и даже переводятъ на другой языкъ *).

Во всѣхъ этихъ изысканіяхъ, «какъ объяснить», «какъ рассказать» дѣтямъ о явленіяхъ половой жизни, мы видимъ одну и ту же основную мысль: предполагается, что знанія могутъ служить лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ нравственной порчи, и если авторы говорятъ также о желательности всякихъ физическихъ упражненій, о пользѣ спорта и т. д., то говорятъ объ этомъ только вскользь, какъ о вспомогательныхъ средствахъ, отводя главное мѣсто словеснымъ поученіямъ. Что гимнастика, спортъ и т. д., сами по себѣ не обезпечиваютъ еще правильного нравственнаго развитія, съ этимъ нельзя не согласиться; но, съ другой стороны, надо настойчиво оспаривать вѣру въ самостоятельное нравственное значеніе положительныхъ знаній, особенно когда и эти знанія сообщаются преимущественно посредствомъ словъ.

*) Уже послѣ того, какъ былъ написанъ этотъ обзоръ, вышли въ свѣтъ еще двѣ брошюры, принадлежащія русскимъ авторамъ: Прив.-доц. А. Н. Бернштейнъ «Вопросы половой жизни въ программѣ семейнаго и школьнаго воспитанія» и В. Ильинскій «Переутомленіе и сексуальный вопросъ въ школѣ». Очень интересно, что объ эти брошюры, совершенно разныя по тону и по характеру изложенія, сходятся на одной мысли или, вѣрнѣе, страдаютъ однимъ и тѣмъ же противорѣчіемъ. Г. Ильинскій въ заключительныхъ строкахъ говоритъ: «Какія бы ясныя знанія молодое поколѣніе ни имѣло о тяжелыхъ послѣдствіяхъ нарушенія сексуальной этики, какъ бы осторожно ни освѣщался передъ нимъ сексуальный вопросъ, органическія влеченія все же останутся на лицо; съ ними нужно бороться и преодолевать ихъ можетъ только цѣльная и здоровая воля, покоящаяся на устойчивой вѣрѣ въ нравственный міропорядокъ. Если же такой вѣры нѣтъ, если она общюю суммой жизненныхъ и школьныхъ впечатлѣній не воспитывается, а скорѣе расшатывается, то одни спеціальныя мѣро-

Вольтеръ говоритъ, шутя, что «разумъ помогаетъ намъ поборо́ть только тѣ страсти, съ которыми мы справились бы и безъ него», и авторы разсмотрѣнныхъ выше книгъ, въ сущности, исходятъ изъ этого же афоризма, обрекая тѣмъ самымъ на безплодіе свои собственныя произведенія. Въ самомъ дѣлѣ, они говорятъ почти исключительно о дѣтяхъ, т. е. о человѣческихъ существахъ, у которыхъ еще отсутствуетъ чувство пола, а, слѣдовательно, отсутствуютъ и связанныя съ этимъ чувствомъ страсти. Въ этихъ рамкахъ, конечно, легко показывать, какъ бороться съ... несуществующими страстями. Но страсти являются позднѣе, служащее ихъ источникомъ чувство пробуждается тогда, когда дѣти, собственно, уже перестали быть дѣтьми, и усвоенныя въ дѣтствѣ представленія сохраняютъ въ это время лишь очень слабое значеніе по сравненію съ вновь возникшими элементами душевной жизни. Тогда выдвигаются разсужденія о пользѣ тѣлесныхъ упражненій, иногда и общія фразы о необходимости укрѣпленія воли, но нигдѣ мы не находимъ такихъ обстоятельныхъ рецептовъ «полового воспитанія» въ отроческомъ возрастѣ, какіе предлагаются для маленькихъ дѣтей. Такимъ образомъ, теорети-

пріятія въ области сексуальнаго вопроса ни въ коемъ случаѣ своей цѣли достигнуть не могутъ. Нужно оздоровить весь укладъ нашей жизни отъ верху и до низу, отъ большого и до малаго, устроить ее на этическихъ и дѣйствительно закономѣрныхъ началахъ; только при такомъ условіи школа можетъ служить обществу, а не прислуживаться лицамъ, и только при такомъ условіи она можетъ стать нравственно воспитывающимъ институтомъ». Съ своей стороны, г. Бернштейнъ замѣчаетъ: «Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ положеніи педагогической психологіи, которое гласитъ, что моральное воспитаніе ребенка достигается отнюдь не внушеніемъ отвлеченныхъ правилъ, словесныхъ наставленій и конкретныхъ запрещеній; прописные догматы не импонируютъ ребенку, не затрагиваютъ тѣхъ сторонъ его души, въ которыхъ формируется его нравственная личность и создается его индивидуальная воля. Нравственныя чувства и директивы слагаются въ душѣ самостоятельно, какъ конечный выводъ изъ совокупной массы отдѣльныхъ наблюденій и познаний, какъ равнодѣйствующая всѣхъ эмоцій и настроеній, пережитыхъ въ связи со всѣмъ видѣннымъ, слышаннымъ и заученнымъ.

ческой основою въ разсматриваемой области является двоякая несообразность: во-первыхъ, говорятъ о какомъ-то «половомъ воспитаніи», какъ будто оно можетъ, хотя бы приблизительно, быть выдѣлено изъ общаго воспитанія; во-вторыхъ, достаточнымъ, или, во всякомъ случаѣ, наиболѣе возможнымъ считается воздѣйствіе на извѣстную сферу душевной жизни въ то время, когда вся она находится еще въ скрытомъ состояніи и для самого воспитываемаго еще совсѣмъ не существуетъ; когда же эта сфера пробуждается и своимъ пробужденіемъ вызываетъ органическій переворотъ въ подрастающемъ человѣческомъ существѣ,—тогда о какомъ либо воздѣйствіи на нее, о мѣрахъ, рекомендуемыхъ воспитателю (помимо гимнастики, моральныхъ проповѣдей и запугиваній возможными болѣзнями), нѣтъ и рѣчи. Легко понять, откуда вытекаютъ обѣ эти несообразности, но вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно и видѣть, что это—несообразности.

Тотъ фактъ, что у дѣтей отсутствуетъ чувство пола, чрезвычайно облегчаетъ и воспитателю, и питомцу ознакомленіе съ явленіями, къ которымъ позднѣе подходить бываетъ болѣе или менѣе трудно. Это время, разумѣется, дол-

Съ этимъ психологическимъ закономъ и должно сообразоваться воспитаніе, предоставляя ребенку такой подборъ фактовъ и наблюденій, окружая его такой атмосферой, снабжая его такими познаніями, изъ которыхъ могло бы сложиться именно то міропониманіе и то отношеніе къ себѣ и къ людямъ, которое желательно воспитать. Желательные догматы должны войти въ его міропониманіе, какъ неотъемлемые спутники, какъ неизбѣжные атрибуты фактовъ и настроеній реальной жизни». А между тѣмъ оба автора до этихъ заключительныхъ строкъ говорятъ почти исключительно о томъ, какъ сообщить дѣтямъ тѣ или иныя свѣдѣнія, оба имѣютъ въ виду преимущественно обученіе въ той или иной формѣ, но они ничего не говорятъ о томъ, каковы же должны быть тотъ «подборъ фактовъ и наблюденій», та «окружающая ребенка атмосфера», то «оздоровленіе всего уклада нашей жизни», при которыхъ только и можетъ быть достигнуто полное разрѣшеніе разсматриваемаго ими вопроса. Такимъ образомъ, посвятивъ свои работы одной сравнительно второстепенной частности, оба автора въ заключеніе какъ бы сами признаются, что совсѣмъ не въ этомъ дѣло.

жно быть использовано въ интересахъ ребенка, и онъ, еще неспособный смущаться, спокойно приметъ всѣ свѣдѣнія, какія воспитатель будетъ считать полезнымъ ему сообщить. Но это сообщеніе свѣдѣній можно разсматривать только какъ подготовительную мѣру, а вовсе не какъ исчерпывающее средство «полового воспитанія». Въ сущности говоря, это—самая легкая часть дѣла, и цѣнность ея въ очень большой степени зависитъ отъ того, каковы всѣ прочія—болѣе важныя—условія жизни ребенка. Создать эти прочія условія—вотъ главная задача воспитателя, и при попыткахъ разрѣшить эту задачу можно только разсматривать ребенка, какъ цѣльное, недѣлимое существо, всѣ части тѣла котораго, какъ и стороны духа, въ своемъ развитіи тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою и зависятъ другъ отъ друга. Но здѣсь мы наталкиваемся на другую изъ указанныхъ несообразностей. Можно ли говорить особо о какомъ-то «половомъ воспитаніи» и предлагать особыя мѣры, имѣющія въ виду именно эту цѣль? Поскольку рѣчь идетъ о томъ, чтобы научить человѣка дѣлать что нибудь, или наоборотъ, о томъ, чтобы пріучить его не дѣлать чего нибудь,—можно изыскивать спеціальныя приемы, опредѣленные методы тренировки, стоящіе болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ цѣлей общаго развитія. Но въ данной области рѣчь идетъ не столько о дѣйствіяхъ, сколько о внутреннихъ побужденіяхъ; цѣлью должно быть не то, чтобы ребенокъ въ будущемъ не поступалъ дурно, а то, чтобы у него совсѣмъ не было дурныхъ мыслей и дурныхъ чувствъ. Мысли же, чувства и побужденія не дѣлятся въ человѣкѣ на группы и категоріи; они—въ своей совокупности составляютъ его духовный міръ, гдѣ всѣ элементы находятся въ постоянномъ движеніи, гдѣ каждый можетъ вступать въ сочетаніе съ каждымъ, создавая самыя разнообразныя, не поддающіяся напередъ учету комбинаціи. Только ложно понимаемая научность можетъ заставить принимать отвлеченныя понятія о категоріяхъ за реальныя явленія и дѣлать въ дѣйствительности то, что

наука лишь условно дѣлится ради удобства разсмотрѣнія и истолкованія. Въ воспитаніи (именно въ воспитаніи, а не обученіи-выучкѣ) надо больше всего помнить, что передъ нами единое, цѣльное существо, а не комокъ, состоящій изъ разныхъ способностей, желаній, мыслей, которыя могутъ, каждая въ отдѣльности, подвергаться извѣстной обработкѣ. Здорово можетъ быть только все существо, а не отдѣльныя его части, и это одинаково надо сказать какъ о тѣлѣ человѣка, такъ и о его духѣ. Мы привыкли къ тому, что дѣтей обучаютъ разнымъ «предметамъ», и это дѣленіе, необходимое для ученыхъ, но бессмысленное въ примѣненіи къ дѣтямъ, мы переносимъ на самихъ дѣтей. Если ужъ есть особое преподаваніе морали, если говорятъ, напримѣръ, о специальномъ воспитаніи мужества или воспитаніи доброты, то почему не говорить и объ отдѣльномъ воспитаніи разныхъ другихъ «свойствъ»? Но не правильнѣе ли было бы пройти эту цѣпь въ обратномъ направленіи и признать бессмысленнымъ даже преподаваніе дѣтямъ по предметамъ? Воспитаніе же во всякомъ случаѣ можетъ быть только единымъ, какъ единъ самъ ребенокъ, и если воспитатель намѣчаетъ при этомъ и какія либо отдѣльныя цѣли,—эти цѣли должны существовать только въ его умѣ, а осуществленіе ихъ не должно никакими гранями выдѣляться изъ общаго воспитанія, которое совпадаетъ со всей жизнью ребенка.

Въ послѣдующихъ главахъ будетъ сдѣлана попытка освѣтить одну изъ такихъ частныхъ цѣлей воспитанія, именно какъ частную, въ связи съ общими условіями правильного духовнаго развитія ребенка и подростка. Въ числѣ орудій, которыми для осуществленія этой цѣли будетъ пользоваться воспитатель, находится и живое слово, словесныя разъясненія наблюдаемыхъ ребенкомъ явленій. Необходимо поэтому установить, гдѣ предѣлъ желательныхъ разъясненій, если они не должны, да и не могутъ быть безпредѣльны? Желательна ли такая откровенность, образцы которой были приведены выше? На этотъ во-

прось надо отвѣтить отрицательно по двумъ соображеніямъ. Первое заключается въ томъ, что такая откровенность безспорно идетъ вразрѣзъ съ присущимъ намъ чувствомъ стыдливости. Г-жа Жаринцова, правда, утверждаетъ, что смущеніе, испытываемое взрослыми при разговорахъ съ дѣтьми на опредѣленные темы, служить только признакомъ ихъ собственной испорченности, развращенности ихъ воображенія. Но утверженіе это слишкомъ смѣло, оно слишкомъ просто разрѣшаетъ сложный вопросъ. Въ числѣ чертъ, отличающихъ человѣка отъ животныхъ, находится, между прочимъ, чувство стыдливости, и каково бы ни было его происхожденіе въ исторіи человѣческой культуры, для насъ оно—фактъ, съ которымъ нельзя не считаться, котораго нельзя просто отбросить, признавъ не нужнымъ. Онъ силенъ, какъ всякое наше внутреннее достояніе, уже однимъ тѣмъ, что онъ есть, и едва ли даже мы въ состояніи мыслить себя безъ него. Конечно, уродливыя формы стыдливости, прививаемыя воспитаніемъ, не могутъ быть ничѣмъ оправдываемы, но онѣ не могутъ служить и основаніемъ для отрицанія ихъ нормальной основы; жеманство нелѣпо и смѣшно, но здоровое человѣческое чувство оскорбляется и полнымъ отсутствіемъ стыдливости. Рекомендуютъ говорить дѣтямъ *все*, отвѣчать на всѣ ихъ вопросы правдой, и полной правдой. Но дѣтскіе вопросы неистощимы, и если вести разговоры такъ, какъ совѣтуетъ, напр., г-жа Жаринцова, то дѣти дойдутъ и до такихъ вопросовъ, на которые и сама г-жа Жаринцова, въ концѣ-концовъ, откажется отвѣчать. Такъ не лучше ли воспитателю напередъ обдумать, гдѣ онъ положить предѣлъ своимъ разъясненіямъ, чѣмъ предоставить установленіе этого предѣла случаю, тому или иному ходу дѣтскихъ мыслей и вопросовъ?

Съ другой стороны то, что здѣсь выдаютъ за полную правду, въ дѣйствительности есть самая безспорная ложь. Развѣ то, что предлагаютъ рассказывать дѣтямъ, соответствуетъ истинѣ? Всѣ фізіологическія разъясненія, какъ бы

подробны они ни были, не дадутъ ни малѣйшаго представленія о чувствѣ, которымъ сопровождается сближеніе половъ, а безъ этого чувства къ чему сводится самое сближеніе? Правда здѣсь заключается въ томъ, что дѣти неспособны постигнуть всѣхъ сторонъ сближенія половъ, не въ состояніи постигнуть главной стороны, и такъ какъ *это*—правда, то ее - то и надо дѣтямъ сказать. И такъ какъ это *правда*, то достаточно небольшого такта, чтобы ребенокъ повѣрилъ ей, не оскорбился и не предположилъ, что отъ него коварно что-то скрываютъ. Пусть онъ самъ строить догадки на основаніи собственныхъ наблюденій надъ природой, пусть онъ знаетъ отъ взрослыхъ все то, что можно знать разсудкомъ, и пусть въ остальномъ онъ предполагаетъ что-то важное, не-будничное, таинственное, — и онъ будетъ ближе -къ истинѣ, чѣмъ если, снабженный самыми обстоятельными свѣдѣніями по физиологіи, онъ будетъ считать, что знаетъ все. Наступитъ время, когда онъ проникнетъ въ таинственную область путемъ собственныхъ переживаній, и тайна откроется ему безъ словъ, составивъ новую эру въ его жизни; она и должна быть тайной, которая познается всѣмъ существомъ,—а не просто фактомъ среди всѣхъ прочихъ, которые излагаются посредствомъ словъ *).

Да, скажутъ благожелательные, но практическіе люди, пусть все это такъ; пусть мы признаемъ, что желательно было бы сохранить неувѣдѣніе—оно нелѣпо,—а эту тайну до познанія ея личнымъ опытомъ,—но вѣдь это невозможно: если наши дѣти не узнаютъ всего отъ насъ, они непременно узнаютъ все изъ другихъ, грязныхъ источниковъ, а еслибы и не узнали, то тѣмъ хуже—вѣдь кругомъ

*) Здѣсь уместно коснуться еще одного педагогическаго соображенія, высказаннаго въ произведеніи, которое не принадлежитъ къ составу новѣйшей литературы. Это—статья Ю. И. Айхенвальда «Ознакомленіе съ половой жизнью и застѣнчивость», приложенная къ вышедшему подъ его редакціей переводу книги Элленъ Кей «Вѣкъ ребенка». Возставъ однимъ изъ первыхъ у насъ противъ замалчиванія явленій половой жизни,

столько соблазновъ и опасностей! Это правда, противъ которой невозможно спорить, но какой выводъ надо сдѣлать изъ нея? Дѣтямъ грозитъ опасность нравственной порчи со всѣхъ сторонъ; мы можемъ до извѣстной степени предупредить эту опасность, прибѣгнувъ къ такому средству, которое и сами признаемъ не совсѣмъ хорошимъ: въ настоящей чистотѣ душевной оно дѣтей не сохранитъ, но все же избавитъ отъ бѣдъ большого зла. Такъ разсуждаютъ практическіе люди, житейская мудрость которыхъ сводится къ формулѣ: изъ двухъ золъ—меньшее. Они правы: если выбирать одно изъ золъ, то, конечно, надо выбирать меньшее. Но это скромное притязаніе не должно прикрывать себя громкими, возвышенными словами, и потому надо точно опредѣлить задачу всей литературы по разсматриваемому здѣсь вопросу: она совсѣмъ не имѣетъ въ виду созданіе лучшаго человѣка, она не мечтаетъ вообще о чемъ нибудь положительномъ, а всего только хочетъ немного уменьшить существующее зло. Объ этомъ говорятъ, какъ о великой цѣли, объ этомъ пишутъ книги съ ничтожнымъ, жалкимъ содержаніемъ, но непременно съ торжественной вступи-

авторъ при изложеніи того, какъ слѣдуетъ знакомить дѣтей съ этими явленіями, говоритъ: «Въ истолкованіи закона, по которому потомство рождается отъ материнскаго тѣла, долженъ быть поставленъ на первый планъ моментъ страданія. Этотъ новый факторъ, о существованіи котораго ребенокъ, можетъ быть, и не подозрѣвалъ, придаетъ въ его глазахъ всему процессу половыхъ отношеній очень желательный характеръ. Торжественная и облагораживающая сила страданія не позволяетъ связывать съ половымъ процессомъ мысли о чемъ-то исключительно-пріятномъ и обыденномъ. Душа настраивается на серьезный и сочувствующій ладъ. Не наслажденіе, о которомъ можно безпечно думать и говорить, а страшная мука, опасная для жизни и нерѣдко ведущая къ смерти,—вотъ что заполняетъ собою дѣтское сознаніе». Какъ профилактическая мѣра этотъ пріемъ можетъ быть очень дѣйствителенъ, но рекомендовать его—значитъ руководиться только страхомъ передъ существующимъ зломъ. Положительные идеалы воспитанія не могутъ дать мѣста примѣненію этого пріема, потому что онъ, безспорно, представляетъ собою извѣстное искаженіе истины, которая, однако, совсѣмъ не нуждается въ такихъ поправкахъ.

тельной главой, объ этомъ читають доклады и ведутъ пренія на сѣздахъ,—хотя рѣчь идетъ всего только о маленькомъ уменьшеніи существующаго зла. Да и объ уменьшеніи ли, хотя бы и самомъ маленькомъ? Если не съ фарисейскимъ лицемѣріемъ, то съ непонятною наивною представителями новаго движенія не замѣчаютъ, что половая развращенность — только одно изъ сопутствующихъ явленій такъ называемой культурной жизни, связанное съ нею множествомъ нитей и отъ нея получающее постоянно новую поддержку для своего существованія. Люди уродуются этой культурною жизнью тѣлесно и душевно, изъ здоровыхъ и сильныхъ существъ они превращаются въ хилыхъ неврастениковъ, жизнерадостность вытѣсняется нервнымъ разстройствомъ, — и одно изъ неизбѣжныхъ побочных послѣдствій этого огромнаго процесса, половой развратъ, хотятъ устранить введеніемъ преподаванія новаго предмета въ школахъ, слащавыми или излишне-откровенными разговорами матерей съ дѣтьми. Не похоже ли это на то, какъ еслибы въ пораженной саранчею мѣстности совѣтовали посыпать края полей персидскимъ порошкомъ, чтобы преградить доступъ новымъ полчищамъ саранчи, летающей по воздуху? Подъ видомъ предупрежденія молодыхъ людей, вступающихъ въ юношескій возрастъ, объ опасности зараженія половыми болѣзнями, рекомендуютъ запугивать ихъ болѣе или менѣе подробнымъ описаніемъ этихъ болѣзней и ихъ послѣдствій. Предположимъ, что этотъ пріемъ оказался бы дѣйствительнымъ: молодые люди стали бы бояться, и врачи засвидѣтельствовали бы меньшее распространеніе болѣзней. Были ли бы молодые люди дѣйствительно лучше, были ли бы чисты ихъ помысленія, еслибы физическое цѣломудріе диктовалось имъ только страхомъ передъ возможностью зараженія? Большой вопросъ, можно ли считать, что человѣчество выиграло бы что нибудь отъ этого; наоборотъ, надо думать, что культура скоро обогатилась бы какимъ нибудь новымъ изобрѣтеніемъ, восполняющимъ образовавшійся пробѣлъ и, съ своей стороны, ускоряющимъ вырожденіе культурнаго человѣчества.

То, о чемъ не говорить.

Правильный путь идетъ совсѣмъ въ другомъ направленіи. Если мы постоянно будемъ выбирать меньшее зло, мы въ концѣ-концовъ выберемъ самое меньшее, и оно все-таки будетъ зломъ. Надо ли ожидать того момента когда и оно будетъ устранено, когда образуется пустое мѣсто, чтобы на этомъ свободномъ мѣстѣ начать воздвигать нѣчто положительное? Эта метафора, взятая изъ области пространственныхъ представлений, совершенно неприменима къ нравственнымъ величинамъ. Люди, живущіе и поступающіе дурно, не могутъ перестать жить, не могутъ никакъ не поступать, чтобы затѣмъ начать жить и поступать хорошо. Плохіе люди не могутъ сперва превратиться въ ничто, а затѣмъ вновь появиться въ качествѣ хорошихъ. Здѣсь можетъ происходить только тотъ органическій процессъ, который мы видимъ во всей живой природѣ, который знаемъ и по самимъ себѣ: на обвѣтренномъ лицѣ, напримѣръ, сходитъ кожа, но развѣ сперва уничтожается старая, чтобы очистить мѣсто для новой? Нѣтъ, новое растетъ и формируется подъ старымъ, не заботясь о предварительномъ его уничтоженіи, и когда это новое оказывается достаточно крѣпкимъ и жизнеспособнымъ, оно вступаетъ въ жизнь на мѣсто стараго, которое уничтожается само собою, не требуя особыхъ затратъ на свое устраненіе. Только такимъ путемъ можетъ совершаться въ человѣческой жизни и замѣна зла добромъ. Не объ уменьшеніи зла надо заботиться, и не полное устраненіе зла должно служить цѣлью, потому что тогда цѣлью являлось бы пустое мѣсто; пусть цѣлью всегда будетъ созиданіе положительнаго блага, и съ каждымъ шагомъ къ его воплощенію будетъ уничтожена соотвѣтствующая частица зла. А еслибы можно было мыслить какой нибудь заключительный моментъ въ этомъ процессѣ, то при наступленіи этого момента люди, слыша о старыхъ временахъ, только спрашивали бы съ удивленіемъ: когда и куда исчезло все то зло, на которое такъ жаловались наши предки?

Въ дальнѣйшемъ будетъ сдѣлана попытка подойти къ

разсматриваемому вопросу именно съ такой положительной точки зрѣнія. Не о предупрежденіи или устраненіи какой либо нравственной порчи будетъ идти рѣчь, а о томъ, какъ вырастить хорошихъ дѣтей, которыя потомъ сдѣлаются хорошими людьми. Эта цѣль недостижима въ нынѣшнихъ условіяхъ такъ называемой культурной, особенно городской жизни, уродующей людей во всѣхъ точкахъ своего прикосновенія къ нимъ. Человѣкъ считаетъ себя царемъ природы, но онъ и дѣйствительно всего только царь, а не Богъ: онъ можетъ управлять природою, только подчиняясь ей же законамъ, когда же онъ обращается противъ нея, она караетъ его сообразно степени его вины—скорою смертью или медленнымъ умираніемъ. Жизнь города—сплошное оскорбленіе природы, и не здѣсь можетъ свободно развиваться здоровое человѣческое существо. Будущее принадлежит не городскому человѣку, который отдѣлилъ себя отъ земли каменными мостовыми, который отъ солнца прячется за гардинами и подъ вуалями, а человѣку, который, подчиняя себѣ частично силы природы, въ цѣломъ самъ подчиняется ей власти и чувствуетъ себя ея частью, а не властелиномъ, обманчиво-всемогущимъ и безнаказаннымъ.

Что противопоставляется городу? Пока, къ сожалѣнію, утопія, потому что не нынѣшняя деревня, конечно, можетъ быть предложена въ качествѣ идеальной обстановки для жизни человѣка и развитія ребенка. Правда, для послѣдняго и теперь деревня представляетъ въ очень многихъ отношеніяхъ гораздо лучшія условія, чѣмъ городъ, но наряду съ этими лучшими условіями тамъ есть и много достаточно извѣстныхъ темныхъ сторонъ. Деревня будущаго, населенная внутренне-культурными людьми, — вотъ та утопія, при осуществленіи которой разрѣшаются сами собою главные вопросы воспитанія, при осуществленіи которой станутъ не нужными всѣ ухищренія педагогики—этой, по гениальному опредѣленію Л. Н. Толстого, науки о томъ, какъ воспитывать дѣтей хорошо, живя самимъ дурно.

ДѢТСТВО.

Для ребенка, какъ и для философа, міръ представляетъ собою огромную загадку. Чѣмъ больше къ нему присматриваешься, чѣмъ ближе съ нимъ знакомишься, тѣмъ больше появляется все новыхъ и новыхъ вопросовъ, и извѣстный трагизмъ этихъ вопросовъ заключается въ томъ, что какіе бы счастливые отвѣты на нихъ мы ни отыскиали, для каждаго отвѣта непременно наступитъ моментъ, когда отвѣтъ самъ снова сдѣлается вопросомъ,—еще болѣе сложнымъ, еще болѣе труднымъ, чѣмъ всѣ предшествующіе въ его родословной. Новое явленіе, о существованіи котораго раньше и не подозрѣвали, опрокидываетъ окончательно, казалось бы, установившееся представленіе о законмѣрности сходныхъ явленій; давно знакомый фактъ, провѣренный случайно въ новыхъ условіяхъ, заставляетъ пересмотрѣть старыя теоріи, и чѣмъ больше въ нихъ вносится поправокъ, тѣмъ далѣе онѣ оказываются отъ законченности, отъ совершенства.

Но трагическое есть только одна сторона въ этомъ процессѣ познанія, и угнетающее дѣйствіе этой стороны съ избыткомъ покрывается другою—тѣмъ, что мы называемъ любознательностью, чистымъ и безкорыстнымъ наслажденіемъ отъ всякаго, даже самаго маленькаго, шага, сдѣланнаго на пути знанія. Сочетаніе же обѣихъ сторонъ дѣлетъ въ результатъ то, что дитя и философъ испытываютъ ненасытную жажду все новыхъ и новыхъ знаній, и отдыхъ у нихъ въ этой погонѣ за новыми знаніями продолжается лишь столько времени, пока перерабатывается, какъ бы усваивается организмомъ знаніе, только что полученное.

Однако, въ то время какъ любознательны всѣ дѣти, по крайней мѣрѣ всѣ нормальныя, здоровыя дѣти, изъ взрослыхъ по-дѣтски любознательны, т. е. по-настоящему любознательны лишь очень немногіе, люди одаренные фило-

софскимъ складомъ ума и потому всегда чувствующие потребность уяснить себѣ каждое новое явленіе, съ которымъ они встрѣчаются. Большинство же взрослыхъ, какъ ни обидно это звучитъ, относятся къ новымъ для нихъ явленіямъ почти такъ же, какъ разумныя животныя: они посмотрятъ разъ—другой съ удивленіемъ, а потомъ, не понявъ, перестаютъ обращать вниманіе: просто привыкаютъ. Явленіе, хотя и не понятное, перестаетъ быть новымъ.

Здѣсь нельзя ссылаться на законы общественной жизни, въ силу которыхъ взрослые вынуждены направлять дѣятельность своего ума на добываніе средствъ къ существованію. Философы одинаково встрѣчаются и среди людей, въ потѣ лица добывающихъ хлѣбъ, и среди обеспеченныхъ классовъ, которые совсѣмъ не поглощены исключительно практическими интересами, и среди праздношатающихся туристовъ, умъ которыхъ совершенно свободенъ отъ заботъ,—и вездѣ философы представляютъ собою исключенія, вездѣ они насчитываются единицами. Повидимому, не внѣшнимъ условіямъ принадлежитъ здѣсь рѣшающее значеніе, а прирожденному складу ума. Быть можетъ, скорѣе надо видѣть здѣсь законъ природы, и любознательность маленькаго человѣчка, такъ же, какъ и его физическая беспомощность, дана ему въ извѣстномъ возрастѣ въ интересахъ его будущаго развитія, какъ бы въ предвидѣніи той роли разумно мыслящаго и дѣйствующаго существа, которая ему предназначена въ будущемъ. Быть можетъ, въ дѣтствѣ онъ долженъ накопить извѣстный запасъ знаній точно такъ же, какъ и запасъ многочисленныхъ навыковъ, которыми потомъ онъ будетъ пользоваться, какъ неотъемлемымъ достояніемъ, какъ чѣмъ-то, что само собою разумѣется, чего совсѣмъ и не можетъ не быть.

Каковы бы ни были, однако, корни дѣтской любознательности, сама она во всякомъ случаѣ представляетъ собою безспорный фактъ, и характерной чертою ея служить то, что для своего удовлетворенія она требуетъ настоящихъ объясненій, что она не позволяетъ отдѣлаться отъ себя

просто ничего не значащими словами. Нельзя видѣть опроверженія этой мысли въ томъ, что ребенокъ принимаетъ за объясненіе всевозможныя побасенки, а подчасъ и самые нелѣпые вымыслы. Онъ прежде всего вѣрить—вѣрить взрослымъ безъ всякихъ оговорокъ, и такъ какъ опытъ его еще очень ограниченъ, а способность къ отвлеченному мышленію еще очень слаба, то всякое объясненіе онъ принимаетъ за истину до тѣхъ поръ, пока не натолкнется на какое нибудь осязательное противорѣчіе. Но попробуйте сказать ребенку въ отвѣтъ на его вопросъ, что вы не знаете, или даже что никто не знаетъ объясненія заинтересовавшаго его явленія,—и онъ никогда не будетъ удовлетворенъ.

Но ребенокъ не долго довольствуется абсолютно фантастическими объясненіями. Чѣмъ меньше объясненіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, тѣмъ легче въ этой дѣйствительности найдутся элементы, которыхъ нельзя согласовать съ невѣрнымъ или хотя бы только неточнымъ объясненіемъ. И такъ какъ дитя требуетъ объясненій только для тѣхъ явленій, которыя входятъ въ сферу его опыта, то, оставаясь въ этой сферѣ, а тѣмъ болѣе расширяя ее, оно неизбежно раньше или позднѣе увидитъ недостаточность даннаго ему объясненія и будетъ требовать новаго. Хорошо, если въ такомъ случаѣ новое объясненіе будетъ только дополненіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ прежняго, если разница между тѣмъ и другимъ будетъ обусловлена только приспособленіемъ къ увеличившимся умственнымъ силамъ ребенка. Часто, къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ иначе: воспитатель, не умѣя разумно отвѣтить ребенку на вопросъ, отдѣлывается отъ него болѣе или менѣе несуразною выдумкой, и успокаивается самъ, когда успокоится ребенокъ; но покой и того, и другого очень непроченъ. Новый вопросъ, учиняемый пытливымъ умомъ ребенка, не можетъ быть избѣгнутъ, и тогда воспитатель оказывается въ положеніи преступника, который какъ бы путается въ собственныхъ показаніяхъ, опровергаетъ одни свои слова

другими и ужъ, конечно, меньше всего возбуждаетъ до-
вѣріе къ себѣ. Между тѣмъ, начавъ съ истины, только
въ доступной ребенку формѣ, воспитатель никогда не впа-
детъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и, дополняя свои
объясненія при каждомъ новомъ запросѣ сообразно съ
тѣмъ уровнемъ умственного развитія, котораго достигъ
ребенокъ, онъ всегда сохранитъ по отношенію къ своему
питомцу именно такое положеніе, какое желательно для
воспитателя.

Среди вопросовъ, къ которымъ не разъ возвращается
ребенокъ, а затѣмъ и подростокъ, и юноша,—совершенно
особое мѣсто занимаютъ вопросы, касающіеся пола, тайны
брака и рожденія. Подобно всѣмъ вообще вопросамъ, они
усложняются и углубляются по мѣрѣ умственного роста
ребенка, но, въ отличіе отъ чистыхъ вопросовъ познанія,
они переходятъ затѣмъ въ такую стадію, когда элементы
собственно интеллектуальные отступаютъ въ нихъ на
второй планъ передъ элементами эмоціональными, когда
мысли какъ бы затуманиваются обволакивающимъ ихъ
чувствомъ, и когда полнымъ отвѣтомъ на вопросъ можетъ
быть уже не словесное знаніе, а только собственное пере-
живаніе. Этой естественной эволюціей вопроса долженъ
опредѣляться и характеръ отвѣтовъ, даваемыхъ на него въ
разное время.

Первые вопросы дѣтей въ этой области всегда отно-
сятся къ факту рожденія, они почти всегда вызываются
появленіемъ новыхъ живыхъ существъ, и едва ли часто
встрѣчаются случаи, когда ребенокъ прежде всего требуетъ
объясненія различія между полами. Это легко понять, если
мы вспомнимъ, что ребенокъ вообще мало интересуется,
такъ сказать, неподвижными, постоянными элементами
своей обстановки, и что вниманіе его привлекается исклю-
чительно новыми для него элементами. То, что всегда есть
въ одинаковомъ видѣ, представляется ему естественнымъ:
оно не можетъ не быть, и не можетъ быть инымъ, чѣмъ
есть. Но какъ только въ вещи что нибудь измѣнится

или какъ только ребенокъ какимъ бы то ни было образомъ замѣтитъ въ ней что нибудь для себя новое (а тогда вещь для него измѣнится), на сцену являются вопросы.

Существованіе людей двухъ половъ,—мужчинъ и женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ—есть для ребенка фактъ, неизмѣнно существующій съ того момента, какъ ребенокъ станетъ настолько разумнымъ, что подмѣчаетъ это различіе. «Папа» и «мама» уже для очень маленькаго ребенка не только индивидуальныя представленія, но до известной степени общія понятія; и когда начинаютъ употребляться слова «дядя» и «тетя», едва ли какой нибудь ребенокъ смѣшиваетъ ихъ и употребляетъ неправильно. Что люди бываютъ разнаго пола, это для ребенка, такъ сказать, первичный фактъ, и въ качествѣ такового онъ не только самъ не требуетъ объясненія, но ссылки на него бываетъ достаточно, чтобы показать ребенку, что различіе половъ существуетъ и въ мірѣ животныхъ. Ребенокъ удовлетворяется этимъ—не объясненіемъ, а распространеніемъ известнаго ему правила на болѣе широкій кругъ.

Долгое время различіе половъ въ глазахъ ребенка сводится только къ различію въ костюмахъ. Мальчикъ трехъ-четырехъ лѣтъ искренно вѣритъ, что если его одѣтъ въ женское платье, онъ будетъ дѣвочкой. Многія дѣвочки думаютъ, что онѣ, когда подрастутъ, будутъ мальчиками, и наоборотъ. Отличительной чертою дѣвочки, помимо одежды, служатъ длинные волосы, и если дѣвочку вдругъ коротко остригутъ, ея пріятели будутъ очень склонны дразнить ее «мальчикомъ». Такимъ образомъ дѣти обнаруживаютъ свое пониманіе того, что каждое человѣческое существо должно принадлежать къ какому нибудь полу. Но ихъ взгляды въ этой области еще долго остаются наивно-поверхностными. Станнымъ можетъ показаться, что дѣти, растущія вмѣстѣ, свободныя еще отъ излишней, а то и отъ всякой стыдливости, все же видятъ главные различія между собою въ одеждѣ, можетъ быть и въ игрушкахъ, и въ манерахъ, но очень мало обращаютъ вниманія

на другіе признаки, которыхъ они не могутъ не замѣтить. Однако, это, въ сущности, совсѣмъ не странно. Во-первыхъ, на свѣтѣ есть такъ много вещей, которыя мы просто констатируемъ, не умѣя разобраться ни въ томъ, откуда онѣ, ни въ томъ, куда онѣ ведутъ. Развѣ, въ концѣ-концовъ, научная закономерность говоритъ чтонибудь иное, чѣмъ дѣтская истина, что «всегда такъ бываетъ»? И если наука старается тщательно провѣрить, дѣйствительно ли какоенибудь явленіе постоянно повторяется, и при какихъ именно условіяхъ, то ребенокъ, для котораго вся наука, всѣ знанія и всѣ истины заключаются въ словахъ взрослого,—ребенокъ просто вѣритъ послѣднему безъ всякихъ повѣрокъ, что въ самомъ дѣлѣ, «всегда такъ бываетъ». А интересъ его, какъ уже было отмѣчено, очень мало привлекается тѣмъ, что всегда бываетъ одинаковымъ; сказать ребенку, что, чтонибудь «всегда такъ бываетъ», это самый лучший способъ уничтожить въ немъ интересъ къ какому либо предмету, если только передъ глазами его нѣтъ примѣровъ, доказывающихъ противное.

Съ другой стороны, нельзя поставить на счетъ умственной слабости дѣтей того факта, что они мало внимательны къ наиболѣе близкимъ имъ предметамъ—къ самимъ себѣ, къ своему тѣлу, что склонные вообще экспериментировать и все сравнивать, они оказываются почти слѣпыми тамъ, гдѣ сравненіе напрашивается само собою. Но если это—недостатокъ, то его раздѣляютъ съ дѣтьми не только взрослые, а и все человѣчество въ цѣломъ. Развѣ науки собственно о человѣкѣ, антропология, социология, психология, не являются позднѣйшими по времени своего возникновенія въ ряду наукъ? Что знали объ устройствѣ собственнаго тѣла халдейскіе пастухи, условившіе уже закономерности въ движеніи небесныхъ свѣтилъ? А философы Греціи, ставившіе самые отвлеченные метафизическіе вопросы о сущности вещей, — развѣ они не заблуждались прежде всего благодаря недостатку самонаблюденія? Здѣсь и мы сами, какъ дѣти, должны просто констатировать, что «всегда

такъ бываетъ»: человекъ всегда обращаетъ вниманіе раньше на дальнее, и лишь постепенно онъ приближается къ тому, отъ чего, въ сущности, исходитъ,—къ самому себѣ.

Какъ бы то ни было, можно утверждать, что не различія между полами въ большинствѣ случаевъ подають дѣтямъ поводъ къ тѣмъ вопросамъ, которые въ будущемъ должны играть такую большую роль въ личной жизни каждаго. Поводомъ къ этимъ вопросамъ почти всегда служитъ появленіе на свѣтъ новаго ребенка, въ собственной ли семьѣ, или у сосѣдей, или у знакомыхъ. Здѣсь интересъ дѣтей возбуждается въ высшей степени. Вѣдь здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ, что «всегда такъ бываетъ»; наоборотъ, здѣсь въ кругозоръ ребенка вступаетъ нѣчто новое, чего раньше тамъ не было и чего, какъ онъ слышитъ, раньше и совсѣмъ не было. Здѣсь есть, чѣмъ заинтересоваться, и вопросы, естественно, начинаютъ сыпаться другъ за другомъ, требуя все новыхъ объясненій, освѣщая предметъ со всѣхъ сторонъ.

Разумѣется, отвѣты на эти вопросы прежде всего всегда должны быть правдивы, и если о качественной, такъ сказать, сторонѣ ихъ не можетъ быть спору, то тѣмъ болѣе трудностей представляетъ за то сторона количественная. Какую долю правды сказать ребенку? Именно этотъ вопросъ и надо разрѣшить, такъ какъ если и держаться безусловно правила, что въ отвѣтахъ совсѣмъ не должно быть неправды, то все же едва ли кто нибудь станетъ утверждать, что дѣтямъ надо сразу сказать всю правду. Помимо того, что отвѣтъ долженъ соответствовать степени пониманія ребенка (вѣдь вопросы задаются и дѣтьми 3—4 лѣтъ, и старшими, 8—9 лѣтъ), онъ долженъ быть данъ такъ, чтобы удовлетворить любознательность и не обострять интереса. А въ этомъ отношеніи опасность грозитъ съ двухъ сторонъ: оставить что-то недоговореннымъ или явно затушеваннымъ значитъ возбудить любопытство ребенка, а сказать больше, чѣмъ требовалось, значитъ дать ему новую пищу для размышленій, дать ему такіа

мысли, до которыхъ онъ самъ въ настоящее время не дошелъ бы.

Чтобы соблюсти здѣсь мѣру, быть можетъ, лучше всего поставить себѣ за правило отвѣчать только на непосредственно заданный вопросъ, не пускаясь въ многословіе, не стремясь сдѣлать свой отвѣтъ очень полнымъ и обстоятельнымъ. А такъ какъ каждый отвѣтъ почти неизбѣжно служитъ поводомъ для новыхъ вопросовъ, то уже дѣло отвѣчающаго включить въ свой отвѣтъ такіе элементы, которые направили бы дальнѣйшіе вопросы въ новое русло, не давая ребенку особенно сосредоточивать вниманіе собственно на исходной точкѣ разговора.

Надо имѣть въ виду, что самостоятельный теоретическій интересъ ребенка здѣсь не бываетъ особенно силенъ. Если новый братецъ или сестрица появились въ его собственной семьѣ, то самый фактъ существованія младенца и всѣ относящія къ нему заботы старшихъ скоро заставятъ вопросъ о происхожденіи младенца отойти на далекій второй планъ. Если же обогатилась новымъ членомъ чужая семья, сосѣдей или знакомыхъ, то интересъ вообще не будетъ очень устойчивъ.

Если вопросъ о томъ, откуда появилось новое дитя, задается ребенкомъ 3—4 лѣтъ, то ограничившись отвѣтомъ, что «мама его родила», лучше всего отвлечь совсѣмъ его вниманіе отъ этого вопроса, напримѣръ, разговоромъ о самомъ младенцѣ, о томъ, какой онъ маленькій и слабенькій, какъ онъ понемногу будетъ расти и т. д. Если ребенокъ вернется, сейчасъ же или спустя нѣсколько времени, къ своему вопросу, тогда отвѣтъ долженъ вести къ формулѣ «всегда такъ бываетъ». Можно рассказать ребенку, что у всякаго живого существа есть своя мама, которая выносила его въ себѣ, что отъ времени до времени у женщинъ—не только человѣческихъ—являются маленькіе, которые, вырастаютъ потомъ и сами становятся матерями и т. д., и т. д. Маленькіе мальчики будутъ готовы увидѣть въ этомъ преимущество дѣвочекъ,—и пускай: ихъ можно утѣшить тѣмъ,

что и у мальчиковъ есть, что дѣлать, когда они вырастутъ, что они должны тогда беречь и охранять какъ старыхъ родителей, такъ и матерей съ маленькими дѣтьми. Гордость мальчиковъ, такимъ образомъ, не страдаетъ, а если они съ самыхъ раннихъ лѣтъ приучатся относиться съ уваженіемъ къ дѣвочкамъ, а не съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ это теперь часто бываетъ, если они, какъ и сами дѣвочки, привыкнуть всегда относиться съ глубочайшимъ уваженіемъ къ призванію матери, то обѣ стороны окажутся въ большомъ выигрышѣ.

Едва ли надо связывать съ этими первыми разговорами какія нибудь естественно-научныя свѣдѣнія въ строгомъ смыслѣ слова. Пусть дѣтская фантазія свободно создаетъ свои образы на данной ей канвѣ, образы иногда забавные, иногда грандіозные, почти всегда лишенные опредѣленныхъ очертаній, расплывающіеся, какъ облако, по мѣрѣ собственнаго роста. Надо ли вносить сюда элементы реализма, надо ли именно по данному поводу заговорить о способахъ размноженія всего живущаго? Можно опасаться, что тогда вся природа предстанетъ передъ глазами ребенка въ нѣсколько извращенной перспективѣ, и онъ больше потеряетъ въ непосредственности чувства, нежели выиграетъ въ точныхъ знаніяхъ.

Изученіе естественныхъ наукъ или, лучше сказать, возможно близкое ознакомленіе съ природою не должно служить средствомъ для какой нибудь частной воспитательной цѣли; оно само есть цѣль или, по крайней мѣрѣ, одна изъ составныхъ частей общей цѣли воспитанія, поскольку послѣднее имѣетъ въ виду созданіе полной и всесторонне развитой человѣческой личности. Выростая въ большихъ домахъ, откуда даже небо представляется въ формѣ очерченныхъ прямыми линіями фигуръ, видя передъ собою исключительно ландшафты изъ желѣзныхъ крышъ и каменныхъ мостовыхъ, дитя никогда не превратится въ такую личность, и все обученіе по атласамъ и картинамъ, по музейнымъ коллекціямъ и засушеннымъ или заспиртованнымъ

препаратамъ не вдохнуть въ него той живой струи, благодаря которой и самыя знанія приобрѣтають настоящій смыслъ и цѣну. Великіе законы природы представляются ему тогда только интересными курьезами, которые даютъ болѣе или менѣе богатую пищу для ума, но почти не затрагивають чувства. И сколько бы ни было знаній у такого, засушеннаго въ камняхъ города, человѣческаго существа, оно не будетъ отъ этого ни лучше для другихъ, ни счастливѣе въ самомъ себѣ.

Пусть дитя живетъ среди природы, и она сама дастъ ему первые уроки «естествознанія», пользуясь методомъ живого непосредственнаго наблюденія, — уроки, которыхъ ничто замѣнить не можетъ. Покуда духъ ребенка не стиснуть условіями такъ называемой культурной жизни, подобно тому какъ тѣло его стянуто разными курточками, тѣсными платицами, кожаными поясами съ форменными бляхами и т. д., природа будетъ считать его за свое дитя, за «дитя природы», и она не только будетъ раскрывать передъ нимъ свою жизнь въ мельчайшихъ подробностяхъ, но и его самого будетъ учить видѣть эти подробности, всѣмъ интересоваться, все самостоятельно наблюдать. Онъ будетъ смотрѣть, какъ бѣжитъ вода, и какъ движутся облака, какъ растетъ трава и цвѣтутъ цвѣты, какъ пчелы трудятся, собирая медъ, и какъ муравьи строятъ свои огромныя кучи; онъ будетъ знать, какъ птицы выютъ себѣ гнѣзда, какъ роется въ землѣ кротъ и какъ паритъ въ небѣ ястребъ. Съ безчисленными вопросами будетъ ребенокъ обращаться къ взрослымъ, и если среди этихъ вопросовъ многіе, быть можетъ, даже большая часть, будутъ относиться къ размноженію живыхъ существъ, то это будетъ только естественно, такъ какъ сохраненіе рода является какъ бы центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго вращается вся жизнь живой природы. Но здѣсь не будетъ какого-то одного «вопроса», исключительно интереснаго, обладающаго отличнымъ отъ всѣхъ остальныхъ вопросовъ характеромъ, требующаго особыхъ подготовительныхъ мѣръ для правильнаго отвѣта.

Чтобы интересъ въ данной области не получилъ этого исключительнаго характера, надо возможно больше расширить его рамки. Чѣмъ болѣе широкій кругъ явленій охватываетъ какой либо интересъ, тѣмъ болѣе онъ получаетъ теоретическій, такъ сказать научный характеръ, какъ и наоборотъ: наиболѣе острыя самыя узкіе интересы, именно—личные, относящіеся къ собственному «я» и ко всему, что съ нимъ соприкасается. Поэтому вполне правильно рекомендуется при ознакомленіи дѣтей съ тайною размноженія привлечь къ дѣлу не только животный міръ, не только курицу съ ея яйцомъ, но и растительное царство, какъ крайній предѣлъ брачной жизни на землѣ. Оплодотвореніе растений, соединеніе въ цвѣткѣ мужского и женскаго начала такъ свободно отъ грубыхъ элементовъ животной чувственности, такъ недоступно какимъ либо скабрѣзнымъ толкованіямъ и въ то же время такъ полно выражаетъ преобладающій въ органическомъ мірѣ принципъ, что если этотъ образъ будетъ лежать въ основѣ дѣтскихъ представленій, они не легко будутъ подмѣнены такими, какія господствуютъ теперь, запретно-увлекательными, съ постояннымъ налетомъ щекочущей нервы сальности.

Но при какихъ условіяхъ можетъ сложиться этотъ образъ, обеззараживающій, какъ предохранительная прививка, грозящія въ будущемъ искушенія? Онъ не сложится ни на словесныхъ, ни на предметныхъ урокахъ естествознанія, ни даже во время экскурсій съ ботаническими и разными иными цѣлями. Всѣ эти источники не дадутъ ребенку достаточнаго запаса живыхъ и въ то же время точныхъ представленій, а безъ этого условія наводящая роль учителя можетъ дать скорѣе отрицательные, чѣмъ положительные результаты; въ ней не можетъ не чувствоваться какой-то преднамѣренности, но и въ самомъ лучшемъ случаѣ дитя получить здѣсь не отвѣтъ на свой запросъ, а просто очень занимательныя, быть можетъ, свѣдѣнія, которыя выслушаются съ интересомъ и потомъ естественно позабудутся, какъ и бóльшая часть всего,

что ребенку случается услышать одинъ разъ. Иное дѣло, если дитя живетъ и растетъ среди природы. Тѣ свѣдѣнія, которыя, хотя бы и преднамѣренно, сообщилъ ему кто нибудь изъ старшихъ, онъ самъ будетъ вспоминать и провѣрять при новыхъ своихъ наблюденіяхъ; если ему показали строеніе одного цвѣтка, онъ будетъ сравнивать его съ другими, и новые вопросы, самостоятельно возникающіе, будутъ требовать новыхъ отвѣтовъ, которые послужатъ продолженіемъ прежнихъ, сольются съ ними въ одно цѣлое. И вопросы эти, конечно, совсѣмъ не будутъ касаться одной лишь области размноженія; они будутъ обнимать всю сферу жизни, и каждый элементъ ея займетъ въ сознаниі ребенка то же мѣсто, какое принадлежитъ ему въ дѣйствительности.

Само собою разумѣется, что не однимъ кругомъ растеній будутъ ограничиваться наблюденія ребенка. Его вниманіе, вѣроятно, будетъ еще болѣе привлекать жизнь животныхъ, и онъ будетъ изучать ее съ рвеніемъ настоящаго натуралиста. Онъ будетъ въ точности знать всѣ привычки знакомаго ему животного, будетъ знать какъ оно ходитъ или бѣгаетъ, какъ ѣстъ, какъ спитъ, какіе звуки издаетъ, какъ выражаетъ свои чувства. Среди всего остального онъ будетъ знать и то, какіе дѣтеныши бываютъ у каждаго животного, будетъ, конечно, не разъ наблюдать, какъ мать ихъ кормитъ, и надо думать, что именно къ этой сторонѣ жизни животныхъ онъ будетъ относиться съ особеннымъ интересомъ, потому что дѣти въ общемъ хорошо сознаютъ сходство своего положенія съ положеніемъ маленькихъ животныхъ и къ нимъ, какъ товарищамъ по счастью и несчастью, всегда питаютъ большую симпатію. Быть можетъ, случится и такъ, что ребенокъ увидитъ такія картины изъ жизни животныхъ, которыхъ ему не слѣдовало бы видѣть. Онъ, конечно, не станетъ скрывать этого отъ старшихъ; вѣроятно, наоборотъ, онъ поспѣшитъ подѣлиться поразившими его впечатлѣніями, и дѣло старшихъ тогда—сказать ему, что на

такія вещи не надо смотрѣть. Можно разсказать, что два существа соединяются для того, чтобы у нихъ были потомъ дѣти, но они дѣлаютъ это всегда уединенно, скрытно отъ чужихъ глазъ, и если сами они не замѣчаютъ, что ихъ видятъ, то все же смотрѣть на нихъ такъ же дурно, какъ подслушивать чужой разговоръ. Правильно было замѣчено, что дитя—существо аморальное: у него первоначально нѣтъ понятія добра и зла, и онъ считаетъ хорошимъ просто то, что ему пріятно, и наоборотъ. Всѣ нравственныя правила онъ получаетъ въ видѣ готоваго кодекса отъ взрослыхъ, и правила эти онъ считаетъ непрекаемо-истинными и безусловно обязательными. «Папа этого не позволяетъ» или: «мама говоритъ, что это дурно»—вотъ въ случаѣ разногласія между дѣтьми самый вѣскій аргументъ, которымъ одна сторона одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ другой. Если родители сами не подрываютъ значенія своихъ словъ взаимными противорѣчіями или не соотвѣтствующими словамъ дѣйствіями, то ихъ мнѣнія о томъ, что хорошо и дурно, очень долго будутъ имѣть почти гипнотическую силу для дѣтей; лишь съ развитіемъ собственной критической мысли, т. е. уже не въ дѣтскомъ, и не въ отроческомъ, а въ юношескомъ возрастѣ, впервые поколеблется ихъ авторитетъ, да и тогда еще на первыхъ порахъ критическое отношеніе къ привычнымъ родительскимъ мнѣніямъ о добрѣ и злѣ покажется чѣмъ-то чрезвычайно дерзкимъ, почти кощунственнымъ. Поэтому и въ данномъ случаѣ ребенку можно съ спокойной увѣренностью сказать, что подглядывать нѣкоторыя явленія дурно; если это—ребенокъ, не пріобрѣтшій по винѣ старшихъ дурную привычку мало считаться съ ихъ словами, онъ будетъ слѣдовать тому, что ему сказали, и не изъ страха наказанія, не изъ опасенія, что за нимъ самимъ могутъ подглядѣть, а потому, что самъ искренно будетъ считать извѣстный поступокъ дурнымъ.

Теперь представимъ себѣ, что ребенокъ лѣтъ 9—10, выросшій такимъ образомъ среди природы, вернулся по какому либо поводу къ вопросу о рожденіи дѣтей. Его

интересъ и теперь еще носить чисто-теоретическій характеръ, вопросъ служить выраженіемъ только естественной любознательности, но въ этомъ возрастѣ интересъ уже гораздо болѣе серьезенъ, и цѣль воспитателя теперь совсѣмъ не должна состоять, какъ раньше, въ отвлеченіи его на другіе предметы. Наоборотъ, можно считать, что всего удобнѣе вступить въ объясненіе съ ребенкомъ именно въ этомъ возрастѣ, когда инстинктъ еще не пробудился, а способность пониманія и накопленный запасъ знаній уже достаточно велики и допускаютъ возможность серьезнаго и обстоятельнаго разговора. Теперь, сводя воедино многочисленные знакомые ему факты, можно показать ему, что всюду въ мірѣ органической природы—за исключеніемъ размноженія простѣйшихъ—для появленія новыхъ живыхъ существъ требуется соединеніе мужского и женскаго начала, что въ царствѣ растений это соединеніе совершается пассивно, при помощи вѣтра, насѣкомыхъ и т. д., между тѣмъ какъ животныя уже ищутъ другъ друга, гонятся другъ за другомъ, какъ бабочки, селятся парами, какъ птицы и многія млекопитающія и т. д.; послѣднимъ звеномъ въ этой цѣли будетъ человѣкъ, который женится и создаетъ семью. Ребенокъ, конечно, усвоить принципъ, признаетъ на основаніи собственныхъ наблюденій правильность обобщенія, но не удовлетворится этимъ; естественно ожидать съ его стороны вопроса о томъ, какимъ же собственно образомъ происходитъ соединеніе обоихъ началъ, дающее въ результатъ появленіе новаго существа? Поскольку вопросъ относится къ растениямъ, отвѣтъ не будетъ представлять особыхъ затрудненій, такъ какъ ребенку можно не только выяснить, напримѣръ, роль насѣкомыхъ въ перенесеніи пыльцы, но и показать искусственное опыленіе. Не мѣшаетъ, однако, тутъ же подчеркнуть, что въ чемъ собственно состоитъ процессъ оплодотворенія, почему послѣ соединенія продуктовъ мужскаго и женскаго цвѣтка начинается развиваться зародышъ будущаго новаго растенія,—мы не знаемъ: это—одна изъ тайнъ природы, То, о чемъ не говорятъ.

которыя мы можемъ подмѣтить, но въ которыя не можемъ проникнуть. Будучи правильна по существу, эта оговорка поможетъ въ дальнѣйшемъ объясненіи положить предѣлъ безудержной любознательности ребенка, и если воспитатель сочтетъ нужнымъ умолчать о чемъ нибудь, то это не возбудитъ извѣстной подозрительности со стороны ребенка, такъ какъ онъ уже привыкнетъ къ мысли, что не на всякій вопросъ возможно получить отвѣтъ. А умолчать кое о чемъ придется, и даже о многомъ. Уже переходя къ животнымъ, нельзя не только демонстрировать, но и описывать явленій такъ, какъ это было сдѣлано относительно растений. Если ребенокъ уже знакомъ въ нѣкоторой степени съ анатоміей какого либо животнаго, онъ знаетъ въ числѣ другихъ также органы размноженія, и ему можно сказать, что органы эти у разныхъ животныхъ устроены очень различнымъ образомъ, и что онъ ознакомится съ ними въ послѣдствіи, когда будетъ вообще узнавать строеніе разныхъ животныхъ. Онъ долженъ знать назначеніе этихъ органовъ, главнымъ образомъ внутреннихъ, вырабатывающихъ тѣ элементы, которымъ затѣмъ предстоитъ соединиться, долженъ знать, какъ растетъ зародышъ въ утробѣ матери, какъ питается ея кровью и въ надлежащее время выходитъ на свѣтъ. Что же касается до самаго момента оплодотворенія, то здѣсь пусть ребенокъ ограничится своими случайными и непредназначенными наблюденіями; вмѣсто того, чтобы давать ему обстоятельныя свѣдѣнія, лучше апеллировать къ уже ранѣе зароненному въ него моральному чувству: живыя существа скрываются на этотъ моментъ отъ чужихъ взоровъ и соединяются такъ, какъ имъ подсказываетъ ихъ природа; стараться проникнуть въ ихъ тайну, разгадать ее—такъ же дурно, какъ и подглядывать, и надо совсѣмъ не думать объ этомъ, не интересоваться тѣмъ, что отъ насъ желаютъ скрыть. У неиспорченнаго ребенка вызванное такимъ образомъ моральное чувство всегда будетъ достаточно сильно, чтобы поборотъ сравнительно слабый теоретическій интересъ и

не дать естественной любознательности перейти въ болѣзненное любопытство.

Разъ уже зашелъ съ ребенкомъ разговоръ на эти темы, не слѣдуетъ никогда ограничивать его одною лишь физиологической областью. Сближеніе двухъ существъ разнаго пола имѣетъ цѣлью рожденіе потомства, и пусть въ представленіи ребенка мысль о такомъ сближеніи живыхъ существъ будетъ всегда неразрывно связана съ мыслью объ извѣстномъ ихъ психическомъ содержаніи, о той заботливости, которую они обнаруживаютъ по отношенію къ своему будущему потомству. Прежде всего здѣсь можно указать, что сближеніе происходитъ не случайно между первыми двумя встрѣтившимися существами; включивъ въ объясненіе естественнаго отбора понятіе «нравиться», мы не погрѣшимъ противъ истины и въ то же время зложимъ основаніе той группѣ мыслей, къ которой придется вернуться много позднѣе, когда ребенокъ уже самъ будетъ наканунѣ вступленія въ брачную жизнь. Послѣ того какъ встрѣтились два по-своему понравившіяся другъ другу существа, они какъ будто думаютъ о своемъ потомствѣ и устраиваются такъ, чтобы потомству этому было возможно лучше. Природа даетъ въ изобиліи примѣры для иллюстраціи этого положенія—не говоря уже о млекопитающихъ, живущихъ парами, и о птицахъ съ ихъ уютными гнѣздами, даже насѣкомыя стараются класть свои яйца въ такую среду, гдѣ легко будетъ развиваться новому поколѣнію, котораго они сами не увидятъ,—и изъ нихъ ребенокъ долженъ вывести свое обобщеніе: смыслъ физиологическаго акта, его центръ тяжести долженъ быть перенесенъ въ психическую сферу, представленіе о сближеніи двухъ существъ всегда должно быть окрашено мыслью о ихъ любви другъ къ другу и о ихъ по-истинѣ трогательномъ заботливомъ отношеніи къ потомству.

Наконецъ, когда вопросъ коснется людей, надо сказать ребенку, что онъ самъ, когда вырастетъ, будетъ способенъ имѣть дѣтей, надо объяснить ему, что тѣ его органы, кото-

рые онъ знаетъ только въ качествѣ органовъ выдѣленія, будутъ въ послѣдствіи выполнять еще другую функцію, которой онъ именно потому теперь и понять не можетъ. Чтобы сдѣлать это уклоненіе отъ подробнаго отвѣта болѣе приемлемымъ для ребенка, можно напомнить ему, что когда онъ былъ маленькимъ, онъ не умѣлъ, на примѣръ, говорить, а еще раньше не умѣлъ даже ходить, а теперь вѣдь онъ и ходить, и бѣгаетъ, и разговариваетъ, хотя никто ему не объяснялъ, какъ это надо дѣлать; онъ самъ всему этому научался, когда приходило время, — ходить и бѣгать, когда у него достаточно окрѣпли члены, говорить, когда онъ уже могъ хорошо управлять своимъ языкомъ, когда у него выросли зубы, и т. д.; и пока не наступило время, когда онъ оказывался способенъ къ тому или иному дѣйствию, объяснить ему эти дѣйствія было невозможно, такъ какъ объясненій онъ все равно не понялъ бы. Такъ и тутъ. Что сталъ бы дѣлать онъ, 10-лѣтній ребенокъ, еслибы у него самого оказался совсѣмъ маленькій, грудной ребенокъ? Вѣдь онъ не могъ бы ни кормить его, ни ходить за нимъ такъ, какъ надо, ни оберегать его отъ всякихъ бѣдъ. Поэтому у него не можетъ быть теперь маленькаго ребенка, поэтому онъ не можетъ и понимать, какимъ образомъ происходитъ новое дитя; когда же онъ вырастетъ и будетъ въ состояніи дѣлать все то, что дѣлаютъ родители, онъ будетъ и знать все то, чего теперь не знаетъ, хотя никто ничего ему не будетъ объяснять, какъ не объясняли ему способъ ходьбы.

Необходимо еще разъ подчеркнуть: говоря съ ребенкомъ обо всемъ этомъ, взрослый не долженъ ни на минуту забывать, что ребенкомъ руководитъ одинъ лишь теоретическій интересъ, чистая любознательность, безъ всякой примѣси какого либо чувства, придающаго вопросамъ этой области особый характеръ. Пробужденіе чувства знаменуетъ собою вступленіе въ новую стадію развитія, когда ребенокъ уже перестаетъ быть ребенкомъ и входитъ въ отроческій возрастъ. Тогда вся постановка вопроса должна

быть иной, — объ этомъ въ слѣдующей главѣ. Покуда же рѣчь идетъ о ребенкѣ, спрашивающемъ обо всемъ безъ смущенія, взрослый долженъ побороть *свое* смущеніе настолько, чтобы рѣшительно ничѣмъ его не обнаружить. У ребенка нѣтъ никакого основанія интересоваться вопросами пола больше, чѣмъ какими либо другими, онъ оставливается на нихъ столько же, сколько и на всякихъ другихъ, возникающихъ въ его головѣ, и если даваемые ему отвѣты кончаются, какъ онъ видитъ, на границѣ его пониманія, а не на томъ, что ему не хотятъ чего-то сказать, — онъ едва ли станетъ особенно усердно доискиваться скрытой отъ него истины. Правда, онъ не будетъ себѣ представлять, какъ это онъ можетъ чего нибудь не понимать, но въ то же время онъ не можетъ и не вѣрить родителямъ, которые говорятъ, что не пойметъ. Тутъ создается трудное положеніе, въ которомъ не легко разобраться; а дѣтскій умъ не способенъ долго сосредоточиваться на трудныхъ мысляхъ. Онъ естественно обратится для собственнаго облегченія къ чему нибудь другому, — вѣдь на свѣтѣ есть такъ много вещей, не менѣе, а то и гораздо болѣе интересныхъ, которыми онъ можетъ овладѣть вполне. Онъ вернется потомъ еще и еще разъ къ этимъ вопросамъ, но если взрослые не подали ему повода чувствовать здѣсь что-то запретно-интересное, онъ будетъ каждый разъ оказываться въ томъ же кругу мыслей, гдѣ ничего новаго открыть нельзя; эти мысли перестанутъ быть интересными и какъ бы замрутъ до той поры, когда ихъ вновь разбудитъ пробудившееся чувство.

Здѣсь не сдѣлано попытки дать рецептъ—что и какъ преподносить дѣтямъ въ отвѣтъ на ихъ нескромные вопросы. Такихъ рецептовъ существуетъ уже не мало, и нѣкоторые изъ нихъ нельзя не признать довольно удачными по полнотѣ и точности, хотя едва ли кому нибудь они пригодятся: кто знакомъ съ жизнью природы, тому они не нужны, а кто не знакомъ, тому они этого знакомства

не замѣнять. Но главный вопросъ не въ этомъ. Составители рецептовъ очень тщательно взвѣшиваютъ, что и въ какомъ видѣ имъ включить въ свою микстуру, но они мало думаютъ о томъ, кто будетъ эту микстуру принимать. Говорить ли ребенку раньше о курицѣ и яйцѣ, а потомъ о прорастаніи сѣмянъ, или сперва о прорастаніи сѣмянъ, а потомъ о курицѣ съ яйцомъ?—Но не все ли равно, о чемъ говорить раньше ребенку, который никогда не видѣлъ курицы, сидящей на яйцахъ, для котораго яйца—просто нѣчто, приносимое прислугою изъ лавки, который о жизни растений составляетъ себѣ представленіе только по слышаннымъ словамъ, въ лучшемъ случаѣ по рисункамъ, а ужъ въ самомъ лучшемъ—по какому нибудь проросшему въ специальномъ горшечкѣ бобу? У городского ребенка нѣтъ и не можетъ быть настоящихъ знаній о жизни природы,—такихъ знаній, пріобрѣтенныхъ путемъ самостоятельнаго наблюденія, которыя побуждали бы его къ самостоятельнымъ же обобщеніямъ. Онъ не наблюдаетъ природы,—ему ее показываютъ въ клочкахъ, въ вырванныхъ кусочкахъ, которые пригоняются къ заранѣ намѣченной педагогической цѣли. Нѣтъ нужды говорить, что цѣли при этомъ зачастую бываютъ лже-педагогическія. Но если онѣ и намѣчены правильно, онѣ такимъ путемъ не могутъ быть достигнуты. И въ нашемъ частномъ случаѣ педагоги, желающіе бережно подвести ребенка къ одной изъ великихъ тайнъ природы, обращаются очень неосторожно съ другой тайною природы—съ душой ребенка. Чтобы посвященіе въ тайну пола прошло для нея благополучно, чтобы оно не приносило съ собою зародышей того исключительнаго, болѣзненнаго интереса, который потомъ чаще всего ведетъ къ разврату,—это посвященіе должно совершаться въ кругу живой жизни природы, гдѣ все величественно въ своей простотѣ, гдѣ есть тайны, но нѣтъ недомолвокъ, гдѣ господствуютъ причины и цѣли, но нѣтъ заднихъ мыслей и преднамѣренныхъ подтасовокъ.

О Т Р О Ч Е С Т В О .

Ребенокъ живетъ безмятежно. Веселость — его нормальное состояніе. Если онъ тѣломъ здоровъ, если никто и ничто въ окружающей средѣ его не обижаетъ, — онъ доволенъ, онъ наслаждается жизнью. Иногда смѣтные мысли бродятъ въ его головѣ, и тогда онъ бываетъ задумчивъ; иногда ему бываетъ просто скучно, когда имѣющіяся подъ рукою развлеченія надоѣли, а новыя еще не изобрѣтены. Но въ первомъ случаѣ задумчивость смѣняется опять-таки веселостью, во второмъ — новыя развлеченія *должны* быть изобрѣтены, и они изобрѣтаются.

Если что абсолютно незнакомо ребенку, такъ это — грусть. И вотъ вдругъ наступаетъ въ его жизни моментъ, когда появляется это чувство. Оно не похоже на чувство скуки и не похоже на подавленное состояніе, какое испытывается при недомоганіи; это — какое-то совсѣмъ новое чувство, безотчетное томленіе, безъ мысли о чемъ нибудь опредѣленномъ и безъ опредѣленныхъ желаній, какъ будто немного тягостное, и въ то же время пріятное; оно проходитъ, смѣняется обычною веселостью и жизнерадостностью, время отъ времени снова возвращается и окрашиваетъ какъ-то по-новому почти всѣ душевныя переживанія. Ребенокъ пересталъ быть ребенкомъ. Онъ перешелъ въ новую стадію своей жизни — въ стадію отрочества.

Мы не знаемъ, что совершается въ тайникахъ душевной жизни въ этотъ періодъ, который характеризуется обыкновенно, какъ періодъ полового созрѣванія. Мы подмѣчаемъ внѣшнія проявленія, результаты этихъ скрытыхъ таинственныхъ процессовъ, и, подмѣчая, видимъ незнакомую прежде смѣну настроеній, большую чуткость и чувствительность, совершенно новую форму застѣнчивости; внимательное наблюденіе покажетъ намъ нѣкоторое ослабленіе чисто-умственной дѣятельности, не замѣчав-

шуюся раньше разсѣянность, еще большую, чѣмъ обыкновенно, неохоту выполнять тѣ противныя дѣтской природѣ дѣйствія, которыя въ своей совокупности называются однимъ общимъ словомъ «учиться».

Въ этотъ критическій періодъ необходимо особенно бережное, осторожное отношеніе къ созрѣвающему существу; оно должно быть предоставлено преимущественно внутренней работѣ собственныхъ силъ, должно быть оберегаемо отъ грубаго воздѣйствія извнѣ. Это не значитъ, что подростки должны пользоваться полною, безграничною свободой; наоборотъ, такая свобода въ этомъ возрастѣ скорѣе всего можетъ послужить благопріятной почвой для развитія капризности, для образованія неустойчиваго характера, не знающаго сдержки даже мимолетнымъ своимъ желаніямъ. Но капризной смѣнѣ настроеній, колеблющимся, возникающимъ прихотливой чередою желаніямъ можетъ быть противопоставлена только извѣстная внутренняя дисциплинированность, — привычный трудъ, обязательный не въ силу внѣшняго принужденія, а по собственному сознанію трудящагося, и не обязательный только, но и привлекательный самъ по себѣ, дающій удовлетвореніе и своимъ смысломъ, и процессомъ.

Само собою очевидно, какъ мало возможно въ условіяхъ городской жизни созданіе именно такой внутренней дисциплинированности, которая носитъ перечисленные элементы обязательности въ самой себѣ и нисколько не похожа на дисциплину въ обычномъ смыслѣ этого слова. Городскія дѣти знаютъ слишкомъ много обязательнаго, но источникомъ его является почти исключительно насиліе, — и результатъ этого вполнѣ законенъ: на границѣ, гдѣ кончается обязательность, начинается распушенность — естественная реакція на испытанный гнетъ. Такъ человѣкъ, долго пробывшій въ неудобномъ положеніи, потомъ потягивается, дѣлая чрезмѣрно энергичныя движенія, чтобы возстановить нормальное состояніе своего организма. Нормальное состояніе подрастающаго человѣческаго существа,

это—«дѣлать», а не «думать», а между тѣмъ трудъ городскихъ дѣтей и подростковъ такъ называемыхъ высшихъ слоевъ общества—почти исключительно умственный трудъ, и если они «дѣлаютъ свои уроки», «дѣлаютъ задачи» и т. д., то это дѣланіе, конечно, меньше всего соотвѣтствуетъ ихъ собственныхъ склонностямъ. Смысла въ своей работѣ они—вполнѣ правильно—не признаютъ, а удовлетвореніе получаютъ во всякомъ случаѣ отрицательное: либо практически-отрицательное—спасеніе отъ дурныхъ балловъ и связанныхъ съ ними непріятностей, либо нравственно-отрицательное—удовлетвореніе мелкаго честолюбія и тщеславія. Самый процессъ работы учащейся молодежи представляетъ собою нѣчто до крайности противоестественное, и именно въ тотъ періодъ, когда природа особенно властно заявляетъ свои требованія, онъ, конечно, меньше всего можетъ служить отвлекающимъ средствомъ, которое не даетъ слишкомъ сосредоточиваться на тревожныхъ внутреннихъ переживаніяхъ. Даже ручной трудъ, которому въ новѣйшее время начинаютъ придавать доминирующее значеніе въ воспитаніи, является не болѣе какъ палліативомъ. Правда, онъ можетъ быть увлекателенъ, поскольку въ немъ содержатся элементы творчества, но его обстановка и его ближайшія цѣли носятъ неустранимую печать искусственности. Въ лучшемъ случаѣ продуктами «ручного труда» (какъ элемента воспитанія) являются предметы не необходимые, часто—совершенно лишніе, и у работающихъ дѣтей постоянно есть сознаніе, что тѣ же предметы всегда можно купить готовые и гораздо лучше сдѣланные. Этимъ подрывается въ корнѣ сознаніе дѣйствительной необходимости продѣлываемой работы, ея какъ бы объективной обязательности, и если она все же правильно продѣлывается, то въ силу тѣхъ же побужденій, которыя заставляютъ учиться; разумѣется, ручной трудъ пріятнѣе, чѣмъ ученіе по книгамъ, но благодаря искусственности, ложности своей основы и онъ въ критическій моментъ не можетъ явиться внутреннимъ источникомъ такой силы, которая вступаетъ,

какъ равноправный элементъ, во взаимодействіе съ новыми внутренними же стихіями.

Не въ лучшемъ положеніи находятся и «дѣти улицы», дѣти такъ называемыхъ «низшихъ» слоевъ городского населенія. Правда, они свободны отъ всего обязательнаго, что налагается на ихъ сверстниковъ въ «хорошихъ домахъ» воспитаніемъ, но они скоро постигаютъ обязательность житейскую, которая заставляетъ приспособляться къ нравамъ и требованіямъ окружающей среды и которая имѣетъ не менѣе внѣшне-принудительный характеръ. Въ отроческомъ возрастѣ, когда природа дѣлаетъ ихъ наиболѣе чувствительными, они меньше всего встрѣчаютъ то бережное отношеніе къ себѣ, которое тогда особенно для нихъ важно, и все дурное, что содержитъ въ себѣ улица, находитъ открытый доступъ къ ихъ душѣ и тѣлу. О разумномъ воздѣйствіи на пробуждающіеся инстинкты здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Оборотною стороною здоровой работы является здоровая усталость—такое же важное, какъ и сама работа, условіе для утишенія смутныхъ внутреннихъ тревогъ критическаго возраста; и если гороскія дѣти лишены первой, то они, можно сказать, не знаютъ и второй. Ихъ обычное состояніе къ вечеру—не усталость, а какая-то одурь, и плохой сонъ—очень не рѣдкое явленіе, которымъ природа мститъ за попираніе ея требованій; есть, разумѣется, и счастливыя, обладающіе крѣпкимъ организмомъ, который долго отстаиваетъ свои права противъ изнуряющаго его гнета: они крѣпко спятъ и во снѣ совершенно освобождаются отъ своихъ дневныхъ заботъ. Но станетъ ли кто нибудь ссылкой на существованіе этихъ счастливыхъ оправдывать условія, въ которыхъ живутъ гороскія дѣти?

Если дѣти могутъ только въ самой природѣ найти настоящий источникъ необходимыхъ имъ знаній, то подростки только тамъ же могутъ найти такую работу, которая дастъ имъ настоящую внутреннюю дисциплинированность. Въ отроческомъ возрастѣ и мальчики, и дѣвочки уже способны

болѣе или менѣе самостоятельно вести работы, напр., въ саду или въ огородѣ, и если они постепенно приучались къ этому съ дѣтскихъ лѣтъ, если выполненіе такихъ работъ дѣтми вошло въ постоянный обиходъ семьи, то для дѣтей здѣсь возникаетъ совершенно безспорная *объективная* обязательность извѣстнаго труда. Надо сажать, или полоть, или поливать, не потому, что кто-то такъ хочетъ, кто-то этого требуетъ, заставляетъ, а—просто надо. Если не сдѣлать очередной работы, результатъ небрежности будетъ давать себя чувствовать въ теченіе цѣлаго года, а то и долѣе, а дѣлать эту работу больше некому. Здѣсь поневолѣ поборешь въ себѣ мѣшающее работать, расслабляющее настроеніе, переможешь себя и возьмешься за дѣло, которое скоро заставитъ забыть всякую неохоту, вознаграждая чувствомъ удовольствія за сдѣланное усиліе. Вѣдь надо имѣть въ виду, что трудъ, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, характеризуется не однимъ только признакомъ обязательности; онъ въ то же время пріятенъ и почти всегда въ большей или меньшей степени увлекателенъ. Имѣя дѣло съ живыми существами,—хотя бы, преимущественно, и съ растеніями,—нельзя относиться къ нимъ равнодушно; они, безмолвные, умѣютъ такъ заинтересовать своими интересами, что ради нихъ человѣкъ охотно идетъ на цѣлый рядъ маленькихъ жертвъ. Если надо полить цвѣты—дѣло, гдѣ совершенно нѣтъ мѣста соображеніямъ практической пользы,—то едва ли можно не сдѣлать этого только потому, что «не хочется»: вѣдь за это маленькое удобство человѣка тѣ существа заплатятъ смертию, непоправимымъ бѣдствіемъ, и нужна исключительная черствость души, чтобы, зная это, все же отдать предпочтеніе собственному удобству. Путемъ такихъ маленькихъ побѣдъ надъ собою достигается та внутренняя дисциплинированность, о которой говорилось выше, и если она вообще является однимъ изъ лучшихъ качествъ человѣка, то въ отроческомъ возрастѣ, какъ уже было указано, ей принадлежитъ еще особенно важная воспитательная

роль: ничто другое не может так же успѣшно противостоять чрезмѣрной поглощенности собственными внутренними переживаніями, легко возникающей въ этомъ возрастѣ и часто дающей печальные результаты какъ для души, такъ и для тѣла.

Если выше были охарактеризованы однѣми лишь отрицательными чертами условія жизни дѣтей и подростковъ въ городѣ, то это совсѣмъ не значитъ, что здѣсь рекомендуется противоположная крайность: физическій трудъ совсѣмъ не долженъ служить единственнымъ занятіемъ подрастающаго поколѣнія, не долженъ поглощать столько времени, чтобы подавлять умственную жизнь. Послѣдняя должна служить дополненіемъ къ первому, первый долженъ служить фундаментомъ для второй. Разумная и полезная работа, приводящая въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными силами природы (и потому кореннымъ образомъ отличная отъ класснаго «ручного труда»), не можетъ не вызывать безконечнаго множества теоретическихъ запросовъ, и отвѣты на эти запросы въ своей совокупности дадутъ такое умственное содержаніе, которое, пожалуй, одно только и заслуживаетъ имени «образованія». Разумѣется, вопросы будутъ возникать въ самой хаотической послѣдовательности, въ вполне случайныхъ сочетаніяхъ, и дать на каждый изъ нихъ въ отдѣльности исчерпывающій отвѣтъ невозможно. Дѣло старшаго—объяснить связь между возникающими въ разное время и по разнымъ поводамъ вопросами, привести ихъ въ извѣстную систему и не только дать спрашивающему требуемые отвѣты, но и научить его искать этихъ отвѣтовъ въ книгахъ *). Для этой умственной работы найдется время и

*) Это, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ прійти въ классъ на одну часъ и дать свой урокъ по алгебрѣ, или географіи, или латинскому языку, считаясь въ лучшемъ случаѣ съ требованіями учебнаго предмета, но никакъ не съ общимъ духовнымъ содержаніемъ учениковъ; за то и оценка этихъ двухъ формъ педагогической дѣятельности очень разная.

въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда преобладаетъ физическій трудъ, но она не будетъ единственнымъ занятіемъ и зимой. Надо, чтобы исчезло нелѣпое раздѣленіе времени на «учебный годъ» и каникулы. Зимой, естественно, на первый планъ выдвигается умственный трудъ, потому что для физическаго природа ставитъ тогда меньше задачъ, но всѣ стороны человѣческой личности должны развиваться постоянно, а не тормозящими другъ друга толчками; и при такомъ равномерномъ развитіи сами собою должны исчезнуть неустранимыя при другихъ условіяхъ опасности. Накопленіе знаній и ихъ переработка, въ сущности, должны идти непрерывно въ теченіе всей сознательной жизни человѣка; это—такая же естественная функція мыслящаго существа, какъ дыханіе для всего живого, и подобно тому, какъ все живое можетъ дышать воздухомъ при различномъ барометрическомъ давленіи, но не можетъ выносить безъ ущерба для себя ни чрезмѣрно разрѣженного воздуха, ни искусственнымъ образомъ сильно сжатого, такъ для духовнаго организма человѣка за извѣстными предѣлами равно вредны и «разрѣженность» знаній и ихъ усиленная конденсація. Только въ здоровой атмосферѣ нормальнаго труда, гдѣ нѣтъ рѣзкой грани между трудомъ для пользы и трудомъ для удовольствія, гдѣ работа умственная и работа физическая самымъ тѣснымъ образомъ переплетены другъ съ другомъ и взаимно дополняютъ другъ друга, можетъ развиваться и жить нормальный, здоровый и тѣломъ, и духомъ человѣкъ. Въ такой атмосферѣ и отроческій возрастъ будетъ протекать безъ потрясеній; его тревогъ, конечно, намъ не устранить—онѣ какъ будто намѣренно даны природою; но пусть въ этихъ тревогахъ останется только то прекрасное, что вложила въ нихъ природа,—смутная и сладостная тоска по чемъ-то неопредѣленному, неизвѣстному, неувловимому,—пусть въ то же время не служатъ онѣ путемъ для зла и грязи, которыхъ не знаетъ чистая природа.

Однако вопросъ не исчерпывается, конечно, однимъ только описаніемъ обстановки, въ которой можетъ спокойно

и правильно протекать развитіе дитяти и подростка. Хотя обстановка всей совокупностью безчисленныхъ мелочей оказываетъ большое вліяніе на подрастающее челоѣческое существо, хотя важнѣйшимъ изъ элементовъ обстановки является косвенное воздѣйствіе старшихъ—воздѣйствіе примѣромъ, однако необходимо уяснить себѣ и желательную форму прямого воздѣйствія—воздѣйствія словомъ; послѣднее не можетъ выполнять роли главнаго—и, тѣмъ менѣе, единственнаго—средства воспитанія, которую такъ часто на практикѣ ему придаютъ; но въ качествѣ средства дополнительнаго оно, безспорно, обладаетъ огромною силою, и вліяніе его можетъ быть очень велико.

И однако этимъ средствомъ, когда дѣло идетъ о подросткахъ, быть можетъ, всего правильнѣе совсѣмъ не пользоваться—по крайней мѣрѣ, не пользоваться такъ, какъ имъ пользовались по отношенію къ дѣтямъ и какъ имъ предстоитъ пользоваться по отношенію къ тѣмъ, кто уже достигъ юношескаго возраста.

Для ребенка не существуетъ щекотливыхъ темъ и неловкихъ вопросовъ; онъ обо всемъ прямо спрашиваетъ, и на все ему долженъ быть данъ прямой отвѣтъ. То, что онъ узнаетъ, онъ принимаетъ, какъ фактъ, его интересуютъ причины и слѣдствія, и онъ совершенно непринужденно будетъ выслушивать объясненія, которыя отъ взрослого требуютъ извѣстнаго усилія надъ собою, нѣкоторой борьбы съ собственнымъ смущеніемъ. Именно для того, чтобы воспользоваться этимъ безстрастіемъ ребенка, его лучше всего ознакомить съ тайнами брака и рожденія въ то время, пока въ немъ самомъ еще совершенно отсутствуетъ чувство своего пола; когда же это чувство начинаетъ въ немъ пробуждаться,—ему не о чемъ спрашивать: онъ уже знаетъ все, что ему надо знать. Еслибы тѣ же свѣдѣнія пришлось ему сообщить позднѣе, въ отроческомъ возрастѣ, онъ уже не могъ бы отнестись къ нимъ такъ же спокойно и, въ сущности, равнодушно: онъ, слушалъ бы съ повышеннымъ интересомъ, подолгу сосредоточивался бы на новыхъ для

него явленіяхъ, и они не столько давали бы пищу его уму, сколько возбуждали бы его фантазію. Поэтому, еслибы случилось, что какой нибудь ребенокъ никогда самъ не наталкивался ходомъ собственныхъ мыслей на вопросы пола, дѣло взрослого—натолкнуть его на нихъ. Разумѣется, это должно быть сдѣлано очень осторожно, данныя явленія должны быть растолкованы въ ряду многочисленныхъ другихъ явленій природы, но они должны быть растолкованы ясными словами именно въ то время, пока дитя—еще дитя.

Прямо противоположное надо сказать о подросткахъ. Разумѣется, и они должны получить тѣ положительныя свѣдѣнія, о которыхъ говорилось въ предыдущей главѣ; но если свѣдѣнія эти не были получены ранѣе, въ періодъ дѣтства, то задача оказывается гораздо труднѣе, и къ выполненію ея слѣдуетъ подходить съ еще большей осторожностью. И мальчикъ, и дѣвочка—подростки—едва ли будутъ слушать теперь даваемыя имъ объясненія съ такимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, съ какимъ они выслушали бы ихъ нѣсколькими годами ранѣе, и, навѣрное, большинство станетъ сравнительно много и упорно думать объ услышанномъ. Строго говоря, въ этомъ нѣтъ ничего дурного и предосудительнаго; но такія размышленія слишкомъ легко ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ, и воспитателю необходимо считаться съ неустойчивостью душевнаго равновѣсія въ отроческомъ возрастѣ. Поэтому, если ужъ положеніе таково, что приходится вести затруднительный для обѣихъ сторонъ разговоръ съ подросткомъ, потому что время въ дѣтствѣ было упущено, то для этого разговора—или разговоровъ—всею лучше будетъ выбрать такой моментъ, когда у молодого собесѣдника мало досуга для размышленій, когда у него много неотложнаго, обязательнаго (преимущественно физическаго) труда, который не позволитъ подолгу предаваться новымъ мыслямъ и образамъ. Когда же пройдетъ страдная рабочая пора, новыя мысли уже будутъ не совсѣмъ новыми; онѣ станутъ уже до известной степени привычными и не будутъ сосредоточивать

на себѣ вниманіе такъ сильно, какъ сосредоточивали бы въ первый моментъ.

А что разговоръ, который взрослому бываетъ нѣсколько затруднительно вести съ ребенкомъ, будетъ затруднителенъ для обѣихъ сторонъ, когда его придется вести съ подросткомъ,—это можно съ увѣренностью утверждать. Застѣнчивость, которой совсѣмъ нѣтъ у ребенка, является естественною чертою подростка, и то, что ребенокъ видитъ или слушаетъ съ полнымъ спокойствіемъ, заставитъ подростка мучительно покраснѣть до корней волосъ.

Всякій подростокъ склоненъ все, касающееся вопросовъ пола, считать чѣмъ-то «гадкимъ», и эта черта совсѣмъ не прививается воспитаніемъ,—наоборотъ, воспитаніе скорѣе уничтожаетъ ее, если подъ воспитаніемъ понимать не только прямое воздѣйствіе старшихъ, но и вліяніе товарищей, и случайно услышанные разговоры на улицѣ и т. д. Природа со свойственною ей предусмотрительностью позаботилась о томъ, чтобы предохранить созрѣвающее человѣческое существо отъ слишкомъ ранняго вступленія въ брачную жизнь, и противопоставила пробуждающемуся инстинкту инстинктивное же отвращеніе къ той сферѣ, которую охватываетъ этотъ инстинктъ. Воспитателю остается только слѣдовать за природой, главное—не мѣшать ей и не вторгаться грубо въ ея дѣйствія. Положительныя задачи, которыя здѣсь можетъ ставить себѣ воспитаніе, заключаются только въ томъ, чтобы заранѣе, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, правильно направить силу, которая затѣмъ самостоятельно будетъ дѣйствовать и, развившись, всего менѣе будетъ допускать прикосновеніе къ себѣ. Эта сила—стыдливость.

Ребенокъ въ томъ, что касается пола, ея совершенно не знаетъ. Все для него чудесно, но, съ другой стороны, для него также все—естественно, и только естественно. Онъ прилагаетъ къ вещамъ и явленіямъ свою мѣрку—пріятнаго и непріятнаго, но если ему чужды понятія добра и зла, то ужъ тѣмъ болѣе отсутствуютъ у него представленія о томъ, что «стыдно» и что «не стыдно». Ему самому, соб-

ственно, никогда ничего не бываетъ стыдно, и можно думать, что все воспитаніе, въ сущности, прививаетъ ему не чувство стыдливости, а только привычку поступать или не поступать извѣстнымъ образомъ. Чувство стыдливости само собою появляется въ началѣ отроческаго возраста, хотя бы его нисколько не старались развивать въ дѣтствѣ, и оно вызываетъ ту особую форму застѣнчивости, которая не знакома ребенку. Если пятилѣтняя дѣвочка имѣетъ обыкновеніе для выраженія своего неудовольствія или, наоборотъ, отъ избытка радости поднимать платице выше головы, — мать, конечно, легко отучить ее отъ этого. Но ребенокъ будетъ только слушаться, будетъ исполнять то, что ему сказано, повѣривъ, что поступать иначе — не хорошо, сознавая, что иначе онъ доставляетъ огорченіе матери; у самого же у него не будетъ никакихъ побудительныхъ причинъ поступать именно такъ, какъ ему говорятъ, въ его душѣ собственный внутренній голосъ по этому поводу ничего не будетъ говорить. Наоборотъ, двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ уже не понадобилось бы никакихъ внушеній; если даже она не знаетъ такъ называемыхъ правилъ приличія и не принадлежитъ къ числу «хорошо воспитанныхъ» — неопредѣленное, но властное чувство стыдливости будетъ ясно говорить ей, что можно и чего нельзя, чѣмъ всѣ наставленія старшихъ.

Поддерживать эту стыдливость или, вѣрнѣе, только оберегать ее отъ грубыхъ прикосновеній — такова единственная задача, которую воспитаніе должно ставить себѣ въ данной области по отношенію къ подросткамъ; остальные воспитательныя цѣли будутъ лучше и естественнѣе достигнуты самою этой стыдливостью, чѣмъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ старшихъ.

Если тѣ положительныя знанія, какія слѣдуетъ имѣть подростку, онъ получилъ еще въ дѣтствѣ, у него совершенно не будетъ почвы для того нездороваго интереса къ вопросамъ брака и рожденія, который легко возникаетъ въ отроческомъ возрастѣ. Правда, отношеніе его къ этимъ То, о чемъ не говорятъ.

вопросамъ теперь будетъ иное, тѣ же факты будутъ приниматься не съ такимъ объективнымъ спокойствіемъ, какъ раньше; но въ нихъ самихъ не будетъ новизны, они будутъ давно знакомы, и если, съ одной стороны, будетъ, такимъ образомъ, отсутствовать поводъ къ тому, чтобы сосредоточивать на нихъ вниманіе, то, съ другой—такому сосредоточенію будетъ прямо мѣшать новое чувство стыдливости передъ самимъ собой.

Въ одномъ только случаѣ воспитателю приходится пойти наперекоръ этому чувству: подростку должно быть объяснено значеніе новыхъ отправленій его организма, такъ какъ иначе съ первыми признаками этихъ отправленій часто связываются испугъ, фантастическія предположенія о какойнибудь болѣзни и т. д., а стыдъ мѣшаетъ сейчасъ же обратиться за разъясненіемъ къ старшимъ. Такой испугъ лучше предупредить заранее, и само собою разумѣется, что это можетъ быть сдѣлано съ полной откровенностью и въ то же время съ величайшей деликатностью. Мальчикъ или дѣвочка 12—13 лѣтъ непременно сильно покраснѣютъ, когда съ ними заговорятъ на эти интимныя темы; но первый острый моментъ скоро пройдетъ, стыдливость не оскорбится, а только какъ бы притаится въ сознаніи, что надо пережить этотъ разговоръ, и конечные результаты его могутъ послужить къ превращенію инстинктивной стыдливости въ настоящее цѣломудріе: подростокъ почувствуетъ, что онъ уже пересталъ быть ребенкомъ, онъ будетъ понимать, что природа таинственно, скрытно отъ всѣхъ чужихъ глазъ готовитъ его къ тому, чтобы и у него самого когданибудь были дѣти. И это сознательное цѣломудріе вмѣстѣ съ инстинктивной стыдливостью образуютъ вокругъ него такую непроницаемую оболочку, которая не допуститъ ни до какого паденія, къ которой не можетъ пристать ни одна капля грязи.

По поводу чувства стыдливости необходимо сказать еще нѣсколько словъ, подойдя къ вопросу съ такой стороны, которая обыкновенно привлекаетъ къ себѣ недостаточное

вниманіе, именно—съ эстетической. Художники справедливо жалуются, что красота человѣческаго тѣла находится въ полномъ пренебреженіи у педагоговъ, которые готовы заботиться о здоровьѣ, о силѣ тѣла, но для развитія чувства красоты ищутъ другихъ объектовъ—картинъ, ландшафтовъ и т. д., юбходя или отодвигая на задній планъ красоту человѣческаго тѣла. Между тѣмъ, привычка прилагать къ своему тѣлу и вообще къ человѣческому тѣлу мѣрило красоты играла бы огромную воспитательную роль, и не только въ эстетическомъ отношеніи, но также въ моральномъ и, если угодно, въ гигиеническомъ. Красивое не можетъ быть грязнымъ, и красивая форма не можетъ сочетаться съ безобразными дѣйствіями; контрастъ самъ по себѣ въ этомъ случаѣ былъ бы слишкомъ рѣзокъ, онъ чувствовался бы какъ оскорбленіе, и если чувство красоты, быть можетъ, не въ состояніи побудить къ хорошимъ дѣйствіямъ, оно вполнѣ въ состояніи удержать отъ дурныхъ. Здѣсь не должно быть мѣста опасеніямъ, что заботливость о своей красотѣ перейдетъ въ кокетничанье: кокетничаютъ нарядомъ, подчеркивая имъ тѣ или иныя формы тѣла, само же тѣло даетъ мало возможностей для кокетства. Не должно быть мѣста и опасеніямъ, что заботливость о красотѣ своего тѣла поведетъ къ изнѣженности, такъ какъ красиво можетъ быть только сильное, а не изнѣженное, дряблѣе тѣло.

Но здѣсь выступаютъ на сцену традиціонныя представленія о стыдѣ. Если бы какой нибудь ребенокъ вздумалъ выйти голымъ къ гостямъ, его, конечно, въ одинъ голосъ назвали бы «безстыдникомъ». Съ такимъ отношеніемъ къ тѣлу, какъ къ чему-то, что надо прятать, разумѣется, нельзя совмѣстить воспитаніе чувства красоты, поскольку это чувство должно охватывать и красоту человѣческаго тѣла. Но насколько разумно такое отношеніе? Едва ли въ его пользу можно привести какія либо соображенія о естественной въ этомъ направленіи эволюціи человѣчества. Вѣдь такого отношенія къ тѣлу, такой ложной стыдливости нѣтъ у

такъ называемаго «простого народа», который, правда, не стоитъ на высшемъ уровнѣ такъ называемой культуры, но все же достаточно удалился уже и отъ состоянія дикарей. Съ другой стороны, такого отношенія—теоретически—нѣтъ и у «высшихъ слоевъ» общества, такъ какъ значительная часть искусства, процвѣтающаго исключительно въ этихъ слояхъ, имѣетъ своимъ объектомъ нагое человѣческое тѣло, и никто въ этомъ обществѣ не считаетъ непристойнымъ смотрѣть на Венеру Милосскую. Безспорно, холодный климатъ сѣверныхъ широтъ, заставляющій прикрывать тѣло одеждою, отучилъ бѣлую расу отъ вида нагого человѣческаго тѣла, но стыдливость въ той формѣ, какъ ее требуетъ «хорошій тонъ», имѣетъ своимъ источникомъ не эту естественную эволюцію, а условности культурной жизни; доказательствомъ опять-таки могутъ служить нравы простого народа, чуждаго благъ цивилизаціи.

Чтобы въ дѣтяхъ не развилась ложная стыдливость, но въ то же время не развилось и настоящее безстыдство, надо различать двѣ вещи: дѣтямъ не должна быть внушаема мысль, что слѣдуетъ стыдиться своего тѣла (сами они до этой мысли, пока они дѣти, не дойдутъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ уже въ сравнительно раннемъ возрастѣ надо приучить къ тому, что нѣкоторыя отправленія организма не должны совершаться на виду у другихъ людей, съ полной откровенностью. Къ выдѣленіямъ организма, продуктамъ распада, человѣкъ чувствуетъ естественное отвращеніе, и законное требованіе, чтобы ребенокъ не причинялъ непріятности другимъ, создаетъ въ немъ привычку, которая и приметъ въ данной сферѣ форму стыдливости. Во всемъ же остальномъ пусть ребенокъ будетъ свободенъ: пусть онъ въ жаркое время ходитъ голымъ или въ одной рубашонкѣ, пусть одѣвается отъ холода, а не отъ стыда,—его тѣло такимъ образомъ лучше всего закалится противъ простуды, его духъ—противъ грозящей въ будущемъ повышенной чувственности. При вступленіи въ отроческій возрастъ наступитъ моментъ, когда онъ самъ, безъ по-

стороннихъ внушеній, начнетъ стыдиться наготы, когда исчезнетъ прежнее абсолютно-непринужденное отношеніе къ тѣлу. Пусть и тогда онъ будетъ свободенъ. Въ силу закона, согласно которому «душа мѣру знаетъ», здоровый инстинктъ лучше, чѣмъ всякій старшій человѣкъ, подскажетъ ему, что надо дѣлать, и можно думать, что его «мѣра» будетъ очень далека отъ граничащей съ жеманствомъ стыдливости благовоспитанныхъ дѣтей.

Но и эта свобода, и вытекающее изъ нея естественное развитіе, конечно, немислимы въ условіяхъ городской жизни. Въ городѣ, гдѣ люди не живутъ, а только толкаются въ постоянной тѣснотѣ и постоянной обидѣ, гдѣ взрослые не знаютъ природы, а знаютъ только каждый—узкую сферу своей специальности и узкій кругъ своихъ товарищей и конкурентовъ, гдѣ за день не устаютъ, а одурѣваютъ, и вечеромъ не отдыхаютъ, а одурманиваются, гдѣ всѣ людскія отношенія пропитаны ложью и условностью,—въ городѣ не можетъ вырасти тѣлесно и духовно здоровое существо. Можно ли представить себѣ, сколькимъ оскорбленіямъ должно подвергаться нравственное чувство ребенка или подростка, который выросъ среди природы и здоровыхъ отношеній, и который вдругъ очутился бы въ сутолокѣ городской жизни? И какой ужасъ съ одной стороны, сколько насмѣшекъ—съ другой, вызвалъ бы, на примѣръ, восьмилѣтній ребенокъ, который въ своей невинности вздумалъ бы прогуляться по городской улицѣ въ одной рубашкѣ! Городъ требуетъ прежде всего соблюденія приличій, и ему нѣтъ дѣла до того, что приличія эти бессмысленны, что при всей ихъ бессмысленности за нихъ приходится расплачиваться слишкомъ дорогою цѣной—часто цѣной вырожденія. Здѣсь достаточно вспомнить, на примѣръ, о корсетахъ. Кѣмъ-то изъ медицинскихъ авторитетовъ было сдѣлано въ ироническомъ тонѣ вполне серьезное предсказаніе, что въслѣдствіи, когда культура еще больше подвинется впередъ, люди будутъ получать насморкъ, если выйдутъ на улицу съ голыми руками, какъ

теперь они простужаются, если выходятъ босикомъ: они будутъ еще болѣе культурны, чѣмъ нынѣшніе, и перчатки будутъ для нихъ такъ же необходимы, какъ для насъ обувь. Параллель съ духовнымъ здоровьемъ напрашивается здѣсь само собою; чѣмъ болѣе правила приличія требуютъ, чтобы тѣло было скрыто, тѣмъ болѣе оно приобретаетъ запретную прелесть, тѣмъ легче здоровое чувство переходитъ въ уродливую чувственность, а неизбежная въ отроческомъ возрастѣ стыдливость вытѣсняется развращеннымъ воображеніемъ.

Если согласиться съ тѣмъ, что въ отроческомъ возрастѣ воспитаніе не только не должно никакъ воздѣйствовать на пробуждающіеся инстинкты, но должно еще оберегать ихъ отъ всякаго прямого воздѣйствія извнѣ, то нельзя не признать, что городъ дѣлаетъ невозможнымъ выполнение этой задачи и, наоборотъ, самъ дѣйствуетъ наперекоръ ей. Въ уличной жизни города подростокъ не можетъ не замѣчать многихъ вещей, въ которыхъ ему будетъ чудиться что-то дурное, и которыя въ то же время невольно будутъ возбуждать его любопытство, которыя будутъ привлекать его мысли именно къ такимъ темамъ, какія воспитаніе хотѣло бы исключить изъ его поля зрѣнія. Пусть отсюда еще далеко до фактическаго паденія,—хотя въ дѣйствительности для очень многихъ этотъ путь не такъ далекъ,—но душевная ясность уже утрачена, открытый невинный взоръ смѣнился краскою сознающаго стыда и скрадываемыми взглядами дурного любопытства. И сколько душевной муки, глубоко отъ всѣхъ скрытой, переживаютъ городскіе подростки, борясь со своими дурными мыслями, въ которыхъ они такъ же мало повинны, какъ мало повинны ихъ легкія, страдающія отъ того, что вдыхаютъ и не могутъ не вдыхать городскую пыль. Городъ уродуетъ людей, и это свое дѣйствіе онъ производитъ неуклонно, примѣняясь къ тому, что для кого нужно: если дѣтямъ онъ не даетъ тѣхъ знаній, которыя для нихъ желательны, то подростковъ онъ въ самой грубой формѣ снабжаетъ именно тѣми свѣдѣніями, отъ которыхъ желательно было бы ихъ уберечь.

Ю Н О С Т Ь.

Если ребенокъ, а потомъ и подростокъ выросъ въ такихъ приблизительно условіяхъ, какія очерчены въ двухъ предшествующихъ главахъ, то едва ли понадобится прилагать еще особыя заботы о его нравственности, когда онъ достигнетъ юношескаго возраста. И юноша, и дѣвушка—какъ бы ни сложилась въ дѣйствительности ихъ жизнь, каковы бы ни были ихъ взгляды и ихъ темпераментъ—во всякомъ случаѣ будутъ застрахованы отъ одного—отъ безнравственности; они будутъ недоступны разврату не только на дѣлѣ, но и въ мысляхъ, потому что все развратное, противоестественное по своему существу, будетъ органически имъ противно. Здоровый инстинктъ будетъ создавать влеченіе къ другому полу, но если, съ одной стороны, въ этомъ влеченіи нисколько не будетъ чувствоваться что-то дурное, постыдное, оно, съ другой стороны, не въ состояніи будетъ и всецѣло поработить себѣ человѣка, завладѣть его воображеніемъ и составлять чуть ли не все содержаніе его внутренней жизни.

Эти юноши и дѣвушки, здоровые духомъ и тѣломъ, создадутъ новую половую этику, положатъ основаніе новымъ формамъ брака взаимнѣ существующихъ, которыя связываютъ людей церковнымъ обрядомъ, или государственнымъ закономъ, или предразсудками общественнаго мнѣнія. Каковы будутъ эти новыя формы брака, намъ, современнымъ извращеннымъ людямъ, трудно предвидѣть или предугадать. Поскольку люди складываются подъ вліяніемъ окружающей ихъ обстановки, эти формы будутъ зависѣть отъ всей совокупности будущихъ жизненныхъ условій; поскольку же люди сами являются творцами тѣхъ условій, той обстановки, въ которой они живутъ, дѣло зависить отъ того, чего они хотятъ, къ чему направлена ихъ воля. Строить догадки о томъ, куда будетъ направлена воля

будущихъ людей—безцѣльный трудъ. Мы можемъ дѣлать болѣе или менѣе обоснованныя предположенія о конечныхъ пунктахъ различныхъ направленій, можемъ предполагать, что одинъ путь приведетъ къ вырожденію, другой—къ процвѣтанію человѣчества, но и въ этихъ предположеніяхъ гораздо больше спорнаго, чѣмъ достовѣрнаго, и отъ какого нибудь единаго рѣшенія вопроса мы еще очень далеки.

А между тѣмъ, еслибы намъ удалось вырастить здоровое молодое поколѣніе, вопросъ стоялъ бы передъ нами и требовалъ бы въ той или иной формѣ немедленнаго отвѣта. Мы не могли бы въ одинъ прекрасный день сказать своему питомцу: «теперь ты — взрослый человѣкъ, поступай, какъ самъ знаешь»,—не могли бы уже просто потому, что какъ выбрать этотъ моментъ? Законъ, этотъ мертвый инструментъ, автоматически обращающійся съ людьми, знаетъ такіе моменты, когда съ человѣкомъ вдругъ происходитъ рѣзкая перемѣна,—таково, на примѣръ, наступленіе совершеннолѣтія, гдѣ человѣкъ, вчера еще не считавшійся за полного человѣка, сегодня признается способнымъ располагать не только собою, но и всѣмъ, что случайно ему досталось, или моментъ (въ буквальномъ смыслѣ), когда бумага, называемая аттестатомъ зрѣлости, переходитъ изъ рукъ директора гимназій въ руки окончившаго гимназію ученика,—но психологія и съ нею вмѣстѣ воспитаніе такихъ моментовъ не знаютъ. Передъ воспитателемъ—все тотъ же его питомецъ, и совсѣмъ не о правѣ послѣдняго поступать по-своему можетъ идти рѣчь: это право ему предоставлялось съ самаго ранняго дѣтства, вмѣшательство воспитателя случалось только изрѣдка, когда неразумныя дѣйствія могли грозить серьезными послѣдствіями, а по мѣрѣ приближенія къ юношескому возрасту и такіе случаи вмѣшательства, конечно, совершенно исчезли.

И тѣмъ не менѣе передъ воспитателемъ стоитъ вопросъ, на который онъ долженъ прежде всего самому себѣ отвѣтить, такъ какъ его роль воспитателя еще не окончена. У него не спрашиваютъ разрѣшенія, у него даже, быть

можетъ, не спрашиваютъ совѣта въ прямомъ смыслѣ этого слова, но съ нимъ привыкли дѣлиться мыслями, чувствами, настроеніями, и отъ него ждутъ отвѣта, участія, сочувственнаго пониманія. Среди безчисленныхъ вопросовъ, о которыхъ будутъ вестись у него разговоры съ его питомцемъ, безъ всякаго сомнѣнія, возникнетъ не разъ и вопросъ объ отношеніяхъ между полами, и взгляды, высказываемые человекомъ, къ которому питается привычная любовь и уваженіе, его одобреніе или неодобреніе извѣстнымъ поступкамъ, даже тѣмъ или инымъ чувствамъ, конечно, будутъ оказывать вліяніе и на мысли, и на образъ дѣйствій его молодого собесѣдника. Будутъ ли эти разговоры иной разъ носить преимущественно теоретическій характеръ, или въ нихъ будутъ преобладать интимные личные элементы,—воспитателю должно во всякомъ случаѣ быть ясно его собственное отношеніе къ затронутымъ вопросамъ, и, высказывая это свое отношеніе съ полной опредѣленностью, онъ окажетъ существенную поддержку своему питомцу, какъ въ выработкѣ самостоятельныхъ взглядовъ, такъ и въ борьбѣ со смутными, тревожными, подчасъ тягостными душевными состояніями.

Надо ли, вѣрнѣе—возможно ли дать какую нибудь общую характеристику того, въ какомъ направленіи должны вестись эти разговоры? Можно ли указывать воспитателю, какія именно мысли ему слѣдуетъ проводить въ бесѣдахъ съ людьми, приближающимися къ полной духовной зрѣлости или въ извѣстной степени уже достигшими ея? Очевидно, что здѣсь нѣтъ болѣе мѣста педагогическимъ соображеніямъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, и отецъ или мать будутъ разговаривать съ 18-лѣтнимъ сыномъ или дочерью уже какъ равный съ равнымъ, будутъ просто высказывать то, что сами думаютъ. Они найдутъ при желаніи пособія для себя въ литературѣ (напримѣръ, въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого, у Бьернсона, въ такихъ книжкахъ, какъ «Рѣчь проф. Гейма къ мужской молодежи» и т. д.) и будутъ проводить тѣ точки зрѣнія, которыя покажутся имъ

наиболѣе близкими къ ихъ собственнымъ. Разсматривать эти различныя точки зрѣнія и вытекающіе изъ нихъ выводы значило бы выйти далеко за предѣлы той задачи, которая поставлена настоящей работѣ. Здѣсь же умѣстно только еще разъ подчеркнуть, что воспитатель долженъ самъ для себя опредѣлить свой взглядъ на отношенія между полами, долженъ знать, что онъ считаетъ хорошимъ и дурнымъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ уяснить себѣ свои сомнѣнія,—не для того, чтобы внушать свои взгляды питомцу, а для того, чтобы дать ему точку опоры въ тѣ моменты, когда въ юной душѣ господствуетъ хаосъ чувствъ, и хаотичны порождаемыя этими чувствами мысли. Не о какомъ либо положительномъ воздѣйствіи здѣсь уже идетъ рѣчь, а только о томъ, чтобы, по возможности, помѣшать очень сильному нарушенію душевнаго равновѣсія; затѣмъ же старшимъ остается только, надѣясь на прочность заложенныхъ ими основъ, смотрѣть, какъ молодое поколѣніе будетъ по-новому устраивать свою жизнь.

При современныхъ условіяхъ, при современной окружающей насъ дѣйствительности многимъ, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ такое предложеніе—быть пассивными зрителями того, какъ молодое поколѣніе будетъ по-новому устраивать свою жизнь. Но поскольку дѣло касается личной жизни (а только о ней здѣсь и идетъ рѣчь), развѣ теперь мы видимъ какую нибудь цѣлѣсообразную форму активного вмѣшательства старшихъ въ жизнь молодого поколѣнія? Въ юношескомъ возрастѣ у человѣка уже сложились тѣ или иныя склонности, тѣ или иныя черты характера, «перевоспитывать» его — задача трудно выполняемая, если только выполняемая вообще. Нужны очень сильныя вліянія, дѣйствующія не только на мысль, но главнымъ образомъ на чувства и на воображеніе, чтобы отклонить человѣка отъ той линіи поведенія, по которой влекутъ его наслѣдственныя и пріобрѣтенныя или упроченныя воспитаніемъ предрасположенія. Чѣмъ же располагаемъ мы для того, чтобы оказывать такое вліяніе? Только сло-

вомъ. Но мы знаемъ, что въ юношескомъ возрастѣ остаются уже лишь слабые слѣды прежней дѣтской внушаемости. Категорическія сужденія о томъ, что хорошо и что дурно, прежде слѣпо принимавшіяся на вѣру, теперь вызываютъ самую строгую критику, подвергаются самому беспощадному анализу, который они далеко не всегда могутъ выдержать. И вотъ въ разсматриваемой нами области просвѣщенные и по-своему искренно-благожелательные педагоги, стоя на ложной почвѣ, приходятъ къ логически правильному выводу. Они рекомендуютъ ввести обычай, чтобы молодымъ людямъ, оканчивающимъ среднюю школу, врачъ прочитывалъ одну или нѣсколько лекцій о половыхъ болѣзняхъ, о ихъ послѣдствіяхъ и путяхъ распространенія (черезъ зараженіе). Правильно это въ томъ смыслѣ, что такія лекціи должны не только сообщать извѣстныя знанія, но должны и сильно поражать воображеніе; онѣ не могутъ не вызывать страха передъ грозящими опасностями, и этотъ страхъ долженъ служить сдерживающей силою, которая предохранитъ отъ «ложныхъ шаговъ». Но вѣренъ ли дальнѣйшій расчетъ? Будетъ ли страхъ достаточно сильнымъ моментомъ, чтобы успѣшно противодѣйствовать инстинкту, подкрѣпленному, вдобавокъ, развращеннымъ воображеніемъ? Развѣ подавляющее большинство тѣхъ, кто заражается половыми болѣзнями (по крайней мѣрѣ среди мужчинъ), не знаютъ и безъ проектируемыхъ лекцій о той опасности, которой они подвергаются? И если даже страхъ удержитъ ихъ отъ тѣхъ путей, на которыхъ эти опасности угрожаютъ, не натолкнетъ ли онъ на другіе пути, на пути извращенности, разъ отсутствуютъ въ душѣ положительные стимулы, достаточно сильные для того, чтобы успѣшно бороться съ чисто-физиологическими влеченіями?

Главное же, не служитъ ли самое появленіе такого предложенія признаніемъ банкротства всей педагогической системы, которая этимъ способомъ должна быть увѣнчана?

Томить дѣтей и подростковъ до юношескаго возраста въ классахъ-казармахъ (хотя бы и увѣшанныхъ красивыми картинами), вѣдрять въ нихъ на протяженіи ряда лѣтъ мертвыя знанія (мертвыя потому, что они не являются отвѣтомъ на собственные запросы), игнорировать всю совокупность душевной жизни подрастающихъ человѣческихъ существъ, не считаться съ ихъ чувствами и непрерывно насиловать ихъ волю,—словомъ, изуродовавши по мѣрѣ силъ лицъ каждаго пола въ отдѣльности, разсчитывать затѣмъ посредствомъ одной или нѣсколькихъ лекцій врача установить желательныя отношенія между полами,—поистинѣ, это послѣдній мазокъ на картинѣ, придающій ей полную законченность.

Юность—періодъ созиданія жизненныхъ идеаловъ. Это—уже время подведенія извѣстныхъ итоговъ, время жатвы, плоды которой пойдутъ для новаго посѣва. Но если при первомъ посѣвѣ сѣятелемъ является воспитатель, а почвою—его питомецъ, то пожать плоды и вновь посѣять ихъ на почвѣ дѣйствительной жизни придется уже послѣднему, и этотъ новый посѣвъ опредѣлитъ собою весь ходъ его жизни. Юность — это тотъ поворотный пунктъ, пройдя который уже всякъ самъ своего счастья кузнецъ. И добрый сѣятель приложить всѣ силы къ тому, чтобы первыя сѣмена были хороши, чтобы почва была возможно лучше подготовлена къ ихъ принятію, а затѣмъ ему остается возлагать главную надежду лишь на волю Божию или на непреклонные законы природы; онъ не сложитъ рукъ тамъ, гдѣ необходимо его вмѣшательство, гдѣ потребуется его помощь, но онъ не будетъ заблуждаться относительно своей роли, будетъ понимать, что все главное теперь уже не въ его рукахъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Не трудно предвидѣть, что многіе читатели будутъ очень мало удовлетворены содержаніемъ предшествующихъ страницъ. Они хотѣли бы сдѣлать все, что возможно, для блага своихъ дѣтей и въ разсматриваемой здѣсь области готовы выслушать всякій совѣтъ, готовы принять съ благодарностью всякое указаніе, которое хотя нѣсколько помогло бы имъ предохранить дѣтей ютъ угрожающихъ золъ и бѣдъ. И послѣ того, какъ въ первой главѣ они прочитали рѣшительную критику тѣхъ отвѣтовъ, которые даются на больной родительскій вопросъ, они могутъ ожидать, что затѣмъ имъ будетъ предложенъ новый отвѣтъ, болѣе удовлетворительный, болѣе приближающій къ желанной цѣли. А между тѣмъ они находятъ только краткое описаніе какого-то фантастическаго воспитанія въ воображаемой деревенской обстановкѣ, и во всемъ этомъ не улавливаютъ и признака отвѣта на вопросъ: что же теперь дѣлать? какъ быть сейчасъ? Быть можетъ, найдется не мало такихъ родителей, которые согласятся признать преимущества деревенскаго воспитанія передъ городскимъ, которые не станутъ отрицать всесторонне-вреднаго вліянія города на душевное развитіе дѣтей, которые вполне раздѣляютъ отрицательное отношеніе къ существующимъ способамъ обученія. Но отъ принципиальнаго признанія къ практическому осуществленію переходъ обыкновенно бываетъ очень труденъ, часто онъ кажется совершенно невозможнымъ, и тогда возникаетъ естественный вопросъ, какъ же приспособиться къ *даннымъ* условіямъ, что дѣлать, разъ не въ нашей власти измѣнить среду, въ которой мы живемъ?

Прежде чѣмъ попытаться дать какой бы то ни было отвѣтъ на эти вопросы, необходимо опредѣленно установить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіями двухъ разныхъ порядковъ. Съ одной стороны выражается желаніе

достигнуть извѣстной воспитательной цѣли, съ другой—молчаливо признается, что существующія условія жизни не должны быть измѣнены. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ общій вопросъ: возможно ли, по существу вещей, удовлетворить въ одно время обоимъ требованіямъ? нѣтъ ли между ними непримиримаго противорѣчія? Нельзя видѣть несоотвѣтствія въ томъ, что по поводу одного частнаго вопроса воспитанія поднимается рядъ тяжелыхъ и сложныхъ вопросовъ о желательныхъ общихъ условіяхъ жизни людей. Какъ уже было замѣчено выше, въ воспитаніи нѣтъ частныхъ вопросовъ: оно едино, какъ едино при всей своей многообразности воспитываемое человѣческое существо. А цѣль воспитанія—вѣдь она опредѣляется нашимъ представленіемъ о томъ, каковъ долженъ быть хорошій человѣкъ, и только сообразуясь съ этимъ идеаломъ, мы можемъ выбирать тѣ или иныя средства воспитанія. Среди же средствъ воспитанія, безспорно, главнѣйшее мѣсто занимаетъ среда ребенка, окружающая его обстановка, и оставлять безъ вниманія этотъ факторъ значило бы говорить о воображаемыхъ, а не о реальныхъ явленіяхъ.

Не пытаюсь дать точное опредѣленіе того, что такое «хорошій человѣкъ»,—удовлетворительнаго опредѣленія этого понятія, кажется, никогда и никто еще не далъ, но на практикѣ мы меньше всего затрудняемся назвать хорошимъ человѣкомъ того, кто, по нашему внутреннему убѣжденію, заслуживаетъ такой оцѣнки,—можно по поводу разбираемыхъ въ настоящей работѣ вопросовъ сказать, что хорошій человѣкъ долженъ, между прочимъ, быть чистъ въ своихъ отношеніяхъ къ другому полу, чистъ не только тѣломъ, но и духомъ. Его чистота тѣлесная должна быть не подвигомъ, не жертвой, а естественнымъ слѣдствіемъ чистоты духовной. Если нѣтъ послѣдней, то и первая можетъ быть лишь очень непрочной, и опытъ слишкомъ убѣдительно показываетъ, какъ мало такая чистота способна противостоять искушеніямъ.

Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, при ка-

кихъ условіяхъ возможно воспитать дѣтей душевно-чистыми въ половомъ отношеніи. Большинство тѣхъ авторовъ, произведенія которыхъ разсмотрѣны во вступительной главѣ, этого вопроса, однако, не ставятъ. Они хотятъ только достигнуть извѣстныхъ внѣшнихъ результатовъ и думаютъ, что этого можно достигнуть посредствомъ сообщенія извѣстныхъ знаній. Но всѣ ихъ разсужденія построены на двухъ ошибочныхъ предположеніяхъ: во-первыхъ, настоящая цѣль воспитанія не совпадаетъ съ этими внѣшними результатами, во-вторыхъ, даже и внѣшніе результаты не могутъ быть въ дѣйствительности достигнуты при помощи однихъ лишь знаній.

Законы душевной жизни и душевнаго развитія ребенка намъ еще далеко недостаточно извѣстны, но кое-что мы знаемъ и теперь. Мы знаемъ объ огромномъ преобладаніи опредѣленныхъ, конкретныхъ представленій надъ отвлеченными идеями у дѣтей—не только маленькихъ, но и старшихъ, 9—10 лѣтъ; мы знаемъ чрезвычайно сильную податливость дѣтей всякому внушенію, знаемъ ихъ склонность экспериментировать и неудержимую потребность подражать. Можно игнорировать всѣ эти факты, но они отъ этого не перестанутъ быть фактами; если закрывать глаза на нихъ—по незнанію ли, или по недобросовѣстности, — они все равно сохраняютъ всю свою силу и въ качествѣ существующихъ причинъ дадутъ неизбѣжныя слѣдствія. Разсчетъ на противоядіе въ видѣ словъ противъ развращающихъ вліяній, отъ которыхъ невозможно уберечь ребенка въ городѣ (съ послѣднимъ, повидимому, согласны всѣ пишущіе по данному вопросу),—этотъ разсчетъ страдаетъ всегда одной и той же погрѣшностью: въ немъ не отводится мѣста живой дѣтской психологіи, не наукѣ-психологіи, а представленіямъ о дѣйствительной душевной жизни дѣтей. Въ этомъ отражается еще вліяніе старой педагогики, которая устанавливала свои цѣли соотвѣтственно возрѣніямъ взрослыхъ, но совершенно не считаясь съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ эти цѣли осуществимы по законамъ дѣтской природы. Въ настоящее

время такая педагогика быстрыми шагами уходит въ область исторіи, всѣ педагогическіе приемы подвергаются пересмотру съ точки зрѣнія ихъ согласованности съ требованіями дѣтской природы, и приходится рѣшительно протестовать противъ внесенія этой отвергнутой системы въ совершенно новую область, гдѣ еще не могло создаться никакой рутины. Желая воздѣйствовать въ томъ или иномъ направленіи на дѣтей, будемъ смотрѣть прежде всего, какъ они примутъ наше воздѣйствіе; не станемъ тѣшить себя иллюзіями, будто мы сломимъ ихъ волю и передѣлаемъ ихъ натуру; и научимся считать отвѣтъ этой натуры такимъ же—если не болѣе—законнымъ, какъ и предъявляемые нами къ ней требованія. Словомъ, научимся воздѣйствовать на нее, примѣняясь къ ней, а не насилуя ее или обманывая себя, такъ какъ въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ мы получаемъ не то, чего хотѣли, а нѣкоторую, не поддающуюся напередъ учету, равнодѣйствующую, которая слагается изъ нашего воздѣйствія и игнорируемаго или отрицаемаго, но реальнаго противодѣйствія «враждебной» стороны.

Въ настоящей работѣ сдѣлана попытка очертить бѣглыми штрихами душевное развитіе ребенка и подростка, отгѣняя тѣ элементы, изъ которыхъ сформируется его, такъ называемая, половая нравственность. Здѣсь цѣлью было не столько дать какія либо указанія воспитателю, сколько прослѣдить, какъ будутъ совершаться различные процессы въ дѣтской душѣ при описываемыхъ условіяхъ. И если это описаніе болѣе или менѣе близко къ дѣйствительности, то только въ данномъ направленіи и надо искать путей къ разрѣшенію поставленныхъ вопросовъ. Противопоставлять ли другія, городскія условія, описывать ли, какъ дѣйствуютъ разлагающіе элементы городской жизни на душу подростка?—Едва ли въ этомъ есть надобность, такъ какъ подавляющее большинство читателей можетъ черпать матеріалъ по этому предмету въ собственныхъ воспоминаніяхъ, да и литература уже не разъ подходила къ вопросу именно съ этой стороны (достаточно вспомнить хотя бы «Въ ту-

манъ» Л. Андреева). Не будемъ поэтому еще нагромождать мрачныхъ картинъ, — онѣ сами по себѣ не ведутъ насъ къ лучшему будущему и, рисуя темную, иногда ужасную дѣйствительность, не указываютъ никакого выхода изъ нея. Положительная же работа — не борьба со зломъ, а сотвореніе блага.

Но все-таки, гдѣ же выходъ? — нетерпѣливо скажетъ недовольствованный читатель. Вѣдь не въ моей власти переделывать весь общественный строй, и самъ я, частица этого строя, не могу устраивать свою жизнь наперекоръ его требованіямъ. Я не могу не жить въ городѣ, потому что городъ кормитъ меня и моихъ дѣтей; внѣ города намъ прежде всего грозитъ голодная смерть, мы ничего не умѣемъ тамъ дѣлать, — да и не хотимъ.

Въ такомъ случаѣ — приходится отвѣтить — выхода нѣтъ. Если требованія общественнаго строя властны, то законы природы непреклонны. А къ законамъ природы принадлежатъ и законы жизни и развитія человѣческой души. Въ тѣхъ условіяхъ, которыя считаютъ необходимымъ сохранить, въ условіяхъ городской жизни не можетъ жить, и еще меньше можетъ расти здоровое человѣческое существо. Какъ ни гибка человѣческая натура, — ея приспособляемости есть предѣлъ, за которымъ она, правда, все еще продолжаетъ приспособляться, но уже теряетъ свой подлинный обликъ. Городская атмосфера — далеко за этимъ предѣломъ, и настойчиво добиваться того, чтобы именно въ ней воспитывать дѣтей, и все же воспитывать хорошо, — значитъ стремиться къ завѣдомо невозможному.

Итакъ, выхода нѣтъ. Нѣтъ дѣйствительнаго средства, чтобы предохранить дѣтей въ городѣ отъ нравственной порчи, и впредь до проведенія радикальных соціальныхъ реформъ — если только онѣ будутъ когда нибудь проведены такъ, какъ предлагаютъ радикальныя группы, и если, будучи проведены, онѣ не дадутъ какихъ нибудь совершенно непредвидѣнныхъ результатовъ, — дѣти и подростки обречены испытывать на себѣ всѣ дурныя вліянія города со

всѣми печальными ихъ послѣдствіями. Плохую услугу оказываютъ родителямъ тѣ педагоги, которые рекомендуютъ все то, что перечислено въ первой главѣ. Ни материнскія наставленія, ни «преподаваніе полового вопроса» въ школахъ, ни устрашающія лекціи врачей не сдѣлають подрастающихъ людей неуязвимыми для вліяній, оказываемыхъ улицей, проституціей, дурными товарищами, газетною хроникой и безчисленными другими элементами городской жизни. Могутъ измѣняться внѣшнія формы, могутъ приходить и проходить различныя случайныя и болѣе или менѣе кратковременныя вѣянія въ родѣ современныхъ намъ «огарковъ» и т. п.,—сущность дѣла отъ этого не мѣняется: отношенія между полами не могутъ стать простыми и здоровыми тамъ, гдѣ слишкомъ многое этому противодѣйствуетъ, и гдѣ ничто въ дѣйствительности этому не способствуетъ. Изъ городскихъ мальчиковъ огромный процентъ неизбежно долженъ сдѣлаться въ большей или меньшей степени развращенными юношами, а вліяніе мужской молодежи не можетъ не отражаться такъ или иначе и на женской. И спокойствіе родителей, которые вѣрятъ упомянутымъ педагогамъ, покупается, въ сущности, цѣною самообмана, такъ какъ именно въ данной области каждый отецъ, будучи добросовѣстенъ съ самимъ собой, разберется въ положеніи вещей не хуже профессиональнаго педагога.

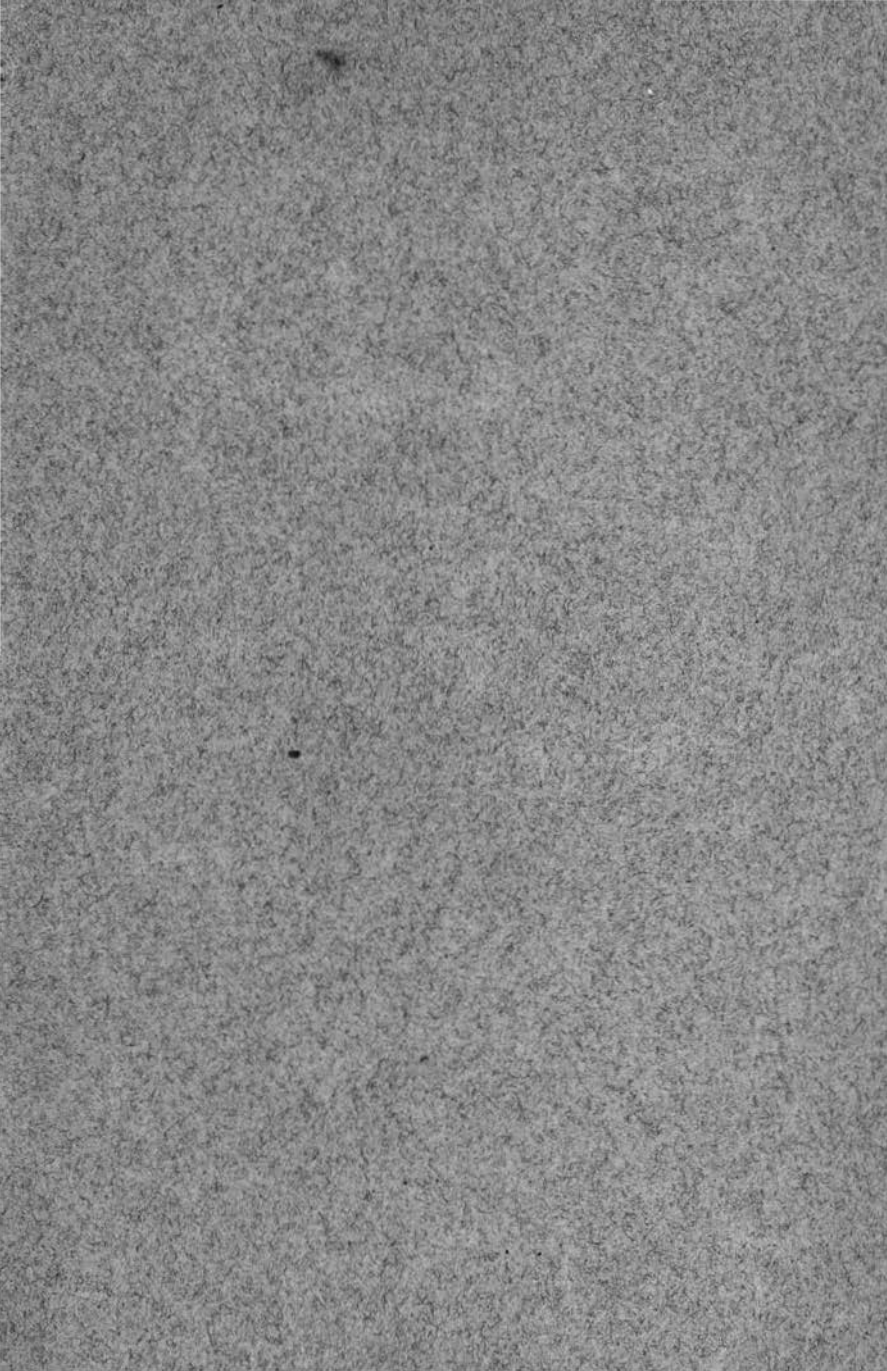
Дѣйствительно ли, однако, будущее такъ мрачно, такъ безпросвѣтно? Дѣйствительно ли нѣтъ выхода изъ того положенія, какое существуетъ теперь и никѣмъ не защищается?—Если согласиться съ тѣмъ, что изложено выше, то выхода надо искать не тамъ, гдѣ его искали до сихъ поръ и ищутъ теперь, а въ измѣненіи всѣхъ условій жизни людей. Задача эта не такъ утопична, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Вѣдь именно эту цѣль ставятъ себѣ большія политическія партіи, и уже одни преслѣдованія, которымъ подвергаются такія партіи, показываютъ, что не собраніемъ простыхъ метателей считаютъ ихъ даже противники. Различно можетъ быть содержаніе идеаловъ, которыми опре-

дѣляются цѣли людей, желающихъ радикальныхъ переменъ, но если считать допустимыми вообще желанія радикальныхъ переменъ, то нельзя отвергать какихъ нибудь изъ изъ нихъ на томъ основаніи, что кому либо они кажутся «утопичными».

Тотъ идеаль, который просвѣчиваетъ въ заканчиваемой теперь работѣ, насчитываетъ среди своихъ защитниковъ такія имена, какъ Руссо и Толстой. Для осуществленія этого идеала очень мало дѣлается на практикѣ, и онъ все-таки не умираетъ въ сердцахъ людей; даже болѣе того, можно, кажется, сказать, что онъ живетъ въ сердцахъ всѣхъ людей почти безъ исключенія. Приблизится ли онъ когда нибудь къ своему осуществленію? возможно ли это вообще, и что для этого необходимо?—Здѣсь не мѣсто ставить эти вопросы во всемъ ихъ объемѣ и пытаться дать какой либо общій отвѣтъ на нихъ. Кто принимаетъ этотъ идеаль, тотъ согласится, что всѣ остальные средства не ведутъ къ цѣли—къ истинному благу людей. Тотъ, видя неустройства человѣческой жизни, «глядитъ въ корень», и—отъ чего бы ни исходилъ — приходитъ постоянно къ однимъ и тѣмъ же источникамъ зла.

Отправнымъ пунктомъ настоящей работы послужилъ вопросъ о томъ, какими средствами можно воздѣйствовать на дѣтей, чтобы установились между полами здоровыя отношенія, и исчезъ развратъ. Но этотъ частный вопросъ—одинъ изъ многихъ—не можетъ быть полностью разрѣшенъ внѣ связи со всѣми остальными и болѣе коренными вопросами человѣческой жизни. Не послужитъ ли, однако, такая постановка его къ тому, чтобы хотя нѣсколько приблизить лучшее будущее? Вѣдь родители часто оказываются способными ради своихъ дѣтей сдѣлать то, чего они не сдѣлали бы ради себя. А здѣсь, гдѣ зло даетъ себя очень сильно чувствовать, и гдѣ боль отъ него нѣсколько не смягчается возможностью переложить отвѣтственность съ себя на другихъ людей и на общія условія, — здѣсь, быть можетъ, именно этотъ вопросъ способенъ оказать на многихъ

родителей значительное вліяніе. Если онъ и не побудитъ ихъ рѣшиться сразу на коренную ломку своей жизни, то заставитъ ихъ, по крайней мѣрѣ, поглубже задуматься, надъ этой жизнью, задумавшись—пожелать иной, а серьезно пожелавши—настойчиво собственными силами искать путей къ ея осуществленію.



14

Цѣна 30 коп.

20

146

230824

Складъ изданія:

Книжный магазинъ „Трудъ“ Москва, Тверская, 38.

С.-Петербургъ, Невскій, 60.